

Дочь кардинала

Автор:

[Филиппа Грегори](#)

Дочь кардинала

Филиппа Грегори

Война Алой и Белой роз #4

Новый роман Филиппы Грегори расскажет историю Анны Невилл – дочери Ричарда Невилла, ключевой фигуры в войне Роз и самого влиятельного графа Англии XV века. Богатство и жажда власти принесли Ричарду дурную славу. Он готов на все, чтобы на трон взошел его сын. Но жена рождает ему только двух дочерей – Изабеллу и Анну. Судьба девочек предрешена. Теперь они пешки в страшной игре, где нельзя доверять никому, даже отцу. Им предстоит решить, стать разменной монетой в борьбе за корону или начать собственную игру. Страшную и кровавую игру за престол.

Филиппа Грегори

Дочь кардинала

© Кузовлева Н., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Посвящается Энтони

Лондонский Тауэр

Май, 1465 год

Моя мать, наследница короны по праву рождения и жена самого влиятельного человека в этом королевстве, как и подобает леди ее положения, идет впереди всех. За ней идет Изабелла, как старшая из нас, и только потом иду я. Я всегда иду последней. Мне почти ничего не видно, пока мы не входим в тронный зал лондонского Тауэра и мать не подводит Изабеллу к трону, чтобы она выразила почтение правителю и тут же отошла в сторону. Изабелла склоняется в низком реверансе, как нас учили, потому что король – всегда король, даже если он еще совсем юнец, посаженный на престол моим отцом. А его жена будет королевой, что бы мы о ней ни думали. И лишь когда я делаю шаг вперед, чтобы в свой черед присесть в реверансе, я наконец вижу ту, ради встречи с которой нас сюда привели.

У меня захватывает дух от того, как она хороша: это самая красивая женщина, которую я видела в своей жизни! Мне становится понятно, почему король остановил свои войска в то же мгновение, как увидел, и поспешил взять ее в жены спустя считанные недели после первой встречи. Ее улыбка медленно расцветает на лице, но потом озаряет его ангельским сиянием. Она изящнее многих статуй, и многие святые лики Богоматери, вышедшие из-под кисти великих мастеров, меркнут по сравнению с ее тонкими одухотворенными чертами. Я поднимаюсь из реверанса, и мои глаза устремляются к ней, словно она – чудотворная икона, к которой я жадно припадаю. Мне не отвести от нее взгляда, под которым ее лицо оживает, наполняется теплом. Ее щеки розовеют, и она улыбается мне, и я не в силах сдержать ответной счастливой улыбки. Она смеется, находя мой нескрываемый восторг перед ней забавным, и тут я ловлю полный ярости взгляд своей матушки. Я тороплюсь занять свое место подле нее, где уже стоит, нахмурившись, моя сестра Изабелла.

– Ты вытаращишься на нее, как слабоумная! – шипит она мне. – Ты всех нас позоришь. Что бы сказал на это отец?

Король делает шаг вперед и тепло целует матушку в обе щеки.

– Есть ли известия от моего дорогого друга, твоего господина? – спрашивает он.

– Он усердно трудится на службе Вашего Величества, – быстро отвечает она, потому что отца нет на сегодняшнем приеме, как и на всех нынешних празднествах. Он встречается с самим королем Франции и герцогом Бургундским, встречается с ними на равных, чтобы заключить мир с этими великими мужчинами Христовыми теперь, когда «спящий король»[1 - Король Англии Генрих VI. – Примеч. перевод.] потерпел поражение и мы стали настоящими правителями Англии. Мой отец – великий человек, и он представляет сейчас нового короля и всю Англию.

Король, новый король, наш король шутливо кланяется Изабелле и треплет мою щеку. Он знает нас с тех пор, когда мы были еще детьми, которых не брали на подобные приемы, а он – мальчишкой на попечении нашего отца. В это время мать осматривается вокруг так, словно она дома, в замке Кале, зорко следит за тем, чтобы слуги тщательно выполняли свои обязанности. Я знаю, что она жаждет заметить за ними какую-нибудь оплошность, чтобы потом доложить о ней отцу, как о доказательстве, что эта удивительной красоты королева не справляется с отведенной ей ролью. По недовольному выражению ее лица я вижу, что она так и не смогла ничего найти. Королеву никто не любит, и я тоже не должна ею восхищаться. Нас не должна трогать ее теплая улыбка, которой она одаряет меня и Изабеллу, ее готовность подняться с трона, чтобы подойти и взять нашу мать за руки. Мы полны решимости тоже ее не любить, потому что наш отец уже нашел для короля более достойную партию – принцессу Франции. Он уже все продумал, обо всем договорился, подготовил брачный договор, убедил людей, питавших ненависть к Франции, что этот брак пойдет на пользу их стране, защитит Кале и, может, даже вернет Бордо в наши руки. Вот только Эдуард, наш новый король, головокружительный красавец и славный правитель, наш любимый Эдуард, который, как мы считали, приходился кем-то вроде младшего брата нашему отцу, а нам – сиятельным дядюшкой, просто сказал таким тоном, словно отдавал распоряжения об ужине, что он уже женат и что с этим уже ничего нельзя поделать.

Уже женат? Да, женат, на ней.

Все понимают, как сильно он ошибся, не посоветовавшись с моим отцом насчет своей свадьбы. Нечто подобное произошло впервые за всю долгую и победоносную кампанию, которая спасла дом Йорков от позора, когда им приходилось молить спящего короля и плохую королеву о прощении, и возвела на трон Англии. Все это время отец был рядом с ним, давая советы и руководя всеми его действиями. Отец всегда знал, что лучше для короля, и король, вступивший сейчас в свои права, был всего лишь юношей, который был всем обязан отцу. Если бы не он, Эдуарду не видать бы трона, потому что именно отец научил его управлять армией, которая приносила ему победы в битвах. Отец рисковал жизнью сначала ради отца Эдуарда, потом ради самого Эдуарда, затем, когда спящий король и плохая королева бежали, а Эдуард был коронован, все должно было пойти хорошо, этот юноша вышел из повиновения и тайно женился на ней.

Она собирается повести нас в обеденную залу, и леди занимают свои места в ее свите, тщательно следя за соблюдением протокола: чрезвычайно важно, чтобы каждый находился на том месте, которое предписывает ему положение. Мне совсем скоро исполнится девять лет, и я уже достаточно взрослая, чтобы понимать важность происходящего, а строгие правила порядка старшинства я усвоила еще совсем девочкой с первых уроков в своей комнате для занятий. Поскольку завтра ее ждет коронация, она идет первой. С этого момента королева всегда и во всем будет в Англии первой и будет, к неудовольствию моей матери, идти впереди нее всю ее оставшуюся жизнь. Следом за ней должна идти мать короля, но ее тут нет. Она отказалась принять прекрасную Елизавету Вудвилл и поклялась, что не станет свидетельницей на коронации престолоудинки. Все знают об этой размолвке в королевской семье, и сестры короля занимают место матери. Они выглядят довольно растерянными, лишившись руководства и примера великолепной герцогини Сесиль. Уверенная улыбка короля на мгновение меркнет, когда он натывается взглядом на пустующее место, которое по праву отведено его матери. Я даже не могу себе представить, как он решился пойти против воли герцогини, ведь она так же страшна в гневе, как моя мать. Герцогиня приходится тетушкой моему отцу, и здесь никто даже не вообразит ослушаться любую из этих женщин. Единственным оправданием вызова, который король осмелился бросить своей матери, в моих глазах может стать только всепоглощающая любовь к будущей королеве. Должно быть, он действительно очень любит ее.

Мать самой королевы присутствует на коронации: разумеется, она ни за что на свете не пропустит миг своего высшего триумфа. Она занимает в процессии

полагающееся ей место, возглавляя целую армию сыновей и дочерей рука об руку со своим весьма милостивым мужем, сэром Ричардом Вудвиллом, имеющим титул барона Риверса. В народе ходит шутка о том, что «нынче наступает половецье»[2 - Игра слов: фамилия Риверс в переводе означает «реки» (от англ. rivers).]. У Риверсов на самом деле немыслимо большая семья: Елизавета – старшая дочь, а за спиной ее матери выстроились семь сестер и пятеро братьев будущей королевы. Я рассматриваю милостивого молодого Джона Вудвилла, который рядом со своей «молодой» женой кажется мальчиком, сопровождающим в свет престарелую бабушку. Его связали браком со вдовствующей герцогиней Норфолкской, моей двоюродной бабушкой Кэтрин Невилл. Этот брак возмутил даже моего отца. Моя драгоценная двоюродная бабушка – настоящая развалина, ей почти семьдесят лет. Некоторые люди даже сомневаются, могут ли женщины доживать до таких лет, а ее мужу, Джону Вудвиллу, всего двадцать. Моя мать говорит, что с этого момента все будет только так: если возвести на трон Англии дочь женщины, которая лишь немногим отличается от злобной ведьмы, то в стране скоро начнутся темные времена. Коронуй волчицу – и все завоюют по-волчьи.

Я отрываю взгляд от морщинистого лица моей двоюродной бабушки и сосредотачиваю все внимание на своей задаче. Я должна идти за Изабеллой, идущей вслед за нашей матерью, и не наступить на шлейфы их платьев. Ни в коем случае не наступать на шлейфы! Мне всего восемь лет, и я должна сделать все, что от меня зависит, чтобы справиться с заданием. Тринадцатилетняя Изабелла вздыхает, увидев, как я прячу туфли под богатый парчовый подол, чтобы исключить даже малейшую возможность ошибки. И даже Жакетта, мать королевы, мать волчицы, бросает украдкой взгляд через плечо на своих детей, чтобы убедиться в том, что я стою на положенном месте и все вокруг пребывает в идеальном порядке. Она оглядывается с таким заботливым видом, будто бы ей есть дело до моих переживаний, и, увидев меня точно там, где я должна быть, рядом с Изабеллой, стоящей за нашей матерью, она улыбается мне той же чудесной улыбкой, которой недавно одарила меня ее дочь. Затем она отворачивается и берет под руку своего милостивого мужа, чтобы следовать за дочерью в момент ее величайшего триумфа.

Миновав центр огромного зала, заполненного сотнями зрителей, встававших и громко приветствовавших появление будущей молодой королевы, мы дождались, когда все снова расселись, и я снова могла видеть тех, кто занимал самые почетные места. Не я одна не свожу глаз с прекрасной королевы – она заслуженно привлекает всеобщее внимание. У нее удивительно красивые серые глаза с восточным разрезом, а улыбаясь, она выглядит так, словно вспоминает о

каком-то очень приятном секрете. Король Эдуард посадил ее рядом с собой, по правую руку, и, когда он что-то шепчет ей на ухо, она наклоняется к нему так близко, словно они вот-вот обменяются поцелуем. Такое поведение шокирует своей неуместностью, но, взглянув на мать королевы, я замечаю, что она улыбается своей дочери, словно радуясь тому, что та влюблена и счастлива. Похожа, она нисколько этого не стыдится.

Вся их семья удивительно красива, и никто не смог бы возразить, что они выглядят так, словно в них проявляется истинная красота чистейшей королевской крови. И как же их много! Шестеро из семьи Риверс, два сына от первого брака нашей новой королевы, сидящих за нашим столом, словно были королевскими отпрысками, имеющими право быть с нами наравне, и дочери графини. Я вижу, каким недовольным взглядом одаряет Изабелла четверых хорошеньких девочек Риверс: от самой младшей, Катерины Вудвилл, которой только исполнилось семь лет от роду, до самой старшей из них за нашим столом, пятнадцатилетней Марты. Всем четырем девочками обязательно найдут мужей, их обеспечат приданным и окружат всяческими милостями, только вот нынче в Англии не так уже много пресловутых мужей, приданного и милостей. Всеми виной война между домами Йорков и Ланкастеров, длившаяся целых десять лет и унесшая жизни многих мужчин. Этих девочек будут сравнивать с нами, они станут нашими соперницами. Теперь нам кажется, что двор наводнили свежие лица и четкие профили, с сияющей, словно только что отчеканенная монета, кожей, звенящими смехом голосами и изысканными манерами. Как будто на нас совершило набег племя красивых молодых незнакомок, похожих на неожиданно оживших и закружившихся среди нас в танце статуй, или на спустившихся с небес певчих птиц, или на выпрыгнувших из моря прекрасных рыбок. Я поднимаю глаза на мать и вижу, как от раздражения розовеет ее лицо, словно она какая-то жена пекаря. Рядом с ней, словно ангел, светится счастьем молодая королева, ее голова, как всегда, слегка наклонена к молодому королю, ее губы чуть раскрыты, словно она готова вдохнуть его, как глоток свежего воздуха.

На этом приеме я очень волнуюсь, потому что за нашим столом по разные его стороны сидят братья короля: во главе стола Джордж, а в самом его конце – самый младший, Ричард. Мать королевы, Жакетта, одаривает всех сидящих за столом молодых людей теплой улыбкой, и я догадываюсь, что именно ей принадлежала идея усадить нас всех за один стол, чтобы нам было веселее, а присутствие Джорджа во главе стола оказывало нам особую честь. Оказавшись за одним столом сразу с двумя герцогами, членами королевского семейства, Изабелла не может усидеть на месте и извивается ужом. Она не знает даже, в

какую сторону смотреть: так ей хочется им понравиться. И хуже всего то, что две старшие дочери Риверс[3 - Имеются в виду дочери от первого брака Елизаветы.], Марта и Элеонора Вудвилл, затмевают ее без малейших усилий. Они обладают утонченной семейной красотой и сияют располагающими к себе, уверенными улыбками. Изабелла излишне усердствует в своих стараниях, а я нервничаю ничуть не больше обычного, постоянно ощущая на себе пристальный взгляд матери. Вот только девочки Риверс ведут себя так, словно они попали сюда для того, чтобы отпраздновать счастливое событие, и ждут от него только радости и веселья, а не нагоняев и выговоров, поэтому ведут себя уверенно и настроены на развлечения. Разумеется, герцоги отдадут предпочтение им, а не нам. Джордж знает нас всю свою жизнь, и мы никогда не станем для него красавицами-незнакомками. Ричард все еще находится на попечительстве моего отца, и, когда мы находимся в Англии, он вместе с половиной дюжины других мальчиков живет вместе с нами. Он видит нас трижды в день, и, разумеется, он неизбежно не сможет отвести глаз от Марты Вудвилл, нарядной дебютантки двора, не менее прекрасной, чем ее только что коронованная сестра. Однако я возмущена тем, что он меня совершенно игнорирует.

В свои пятнадцать лет высокий и светловолосый Джордж очень хорош собой, как и его старший брат, король.

- Ты, должно быть, впервые ужинаешь в Тауэре? Тебя же зовут Анна? - говорит он мне. Я потрясена и смущена тем, что он обратил на меня внимание, но, несмотря на тут же заливший мое лицо румянец, я довольно громко отвечаю:

- Да.

Ричард, сидящий за другим концом стола, младше Изабеллы на год и практически одного с ней роста, но теперь, когда его брат стал королем Англии, он кажется куда более высоким и симпатичным. У него всегда была самая веселая улыбка и добрый взгляд, но сейчас он изо всех сил старается вести себя подобающе коронации своей невестки, а потому остается тих и сдержан. Изабелла старается завязать с ним разговор, рассуждая о лошадях и выезде и спрашивая, помнит ли он нашего маленького пони из замка Миддлем. Она улыбается и со смехом вспоминает тот случай, когда Пеппер взбрыкнул и сбросил его на землю. Ричард, который всегда был не только горделив, но и крайне вспыльчив, тут же отворачивается к Марте Вудвилл и заявляет, что ничего подобного не помнит. Изабелла пытается создать иллюзию того, что мы всегда были друзьями, причем самыми близкими, хотя на самом деле Ричард

лишь один из многих подопечных отца, с которыми в давние мирные дни в Англии мы вместе охотились и ели за одним столом. Изабелла же старается убедить девочек Риверс, что мы все – одна большая счастливая семья, а они – незваные чужаки, вторгающиеся на чужую территорию. На самом деле мы были девочками Уорика, находящимися под присмотром матери, а они – мальчиками Йорка, везде сопровождавшими нашего отца.

Изабелла может дуться сколько ей угодно, но я не собираюсь поддаваться смущению. У нас больше прав находиться за этим столом, куда больше, чем у этих красавиц Риверс. Мы – богатейшие наследницы Англии, а мой отец командует узкими водами, объединяющими Кале и английское побережье. Мы принадлежим великой семье Невилл, хранителей Северной Англии, в наших жилах течет королевская кровь. Мой отец был опекуном Ричарда, учителем и советником самого короля, и по положению мы равны всем присутствующим в этом зале, богатством же мы превосходим их всех, включая короля, а по рождению стоим однозначно выше молодой королевы. Я могу на равных разговаривать с любым герцогом из дома Йорков, потому что без моего отца этот дом не выиграл бы войны, и трон бы по-прежнему занимали Ланкастеры, и Джордж, при всей его красоте и величии, был бы не братом короля, а сыном изменника короне.

Ужин был долгим, но завтрашний праздничный ужин по случаю коронации молодой королевы будет еще длиннее. Сегодня вечером подавали тридцать две перемены блюд, и королева специально послала на наш стол особенные угощения, чтобы почтить нас своим вниманием. Джордж встает и кланяется ей в знак благодарности, затем обходит каждую из нас с серебряным блюдом. Он замечает, что я наблюдаю за ним, и, подмигнув, кладет мне на тарелку лишнюю ложку соуса.

Время от времени моя мать бросает на меня взгляды, словно маяк, скользящий лучом света по темной глади моря. Каждый раз, когда я ощущаю на себе ее пристальное внимание, я поднимаю голову и улыбаюсь. Ей не в чем меня упрекнуть, в этом я уверена: я держу в руке одну из новых вилок, в мой рукав вложена салфетка, как у французской дамы, знакомой со всеми новыми поветриями моды, я разбавила водой вино в бокале справа от меня и ем именно так, как нас учили, изящно и без аппетита. И я не вижу причин, по которым Джордж не может обратить на меня свое внимание. Меня бы это не удивило, как, впрочем, не должно удивить и остальных.

Ночь накануне коронации мы проводим в Тауэре, и я делю кровать с Изабеллой, равно как и дома, в Кале, как и каждую ночь до этого. Меня отправили спать на час раньше ее, но я слишком взволнована, чтобы заснуть. Я уже прочитала свои молитвы и просто лежала в кровати, прислушиваясь к доносящейся из залов сверху музыке. Они все еще танцуют, король и его жена обожают танцевать. Когда он берет ее за руку, всем становится заметно, что он едва сдерживает желание привлечь ее к себе ближе. Она опускает глаза, но когда снова возводит их на него, взгляд короля по-прежнему направлен на нее и источает страсть. Тогда королева отвечает ему легкой многообещающей улыбкой.

Я задаюсь вопросом, что делает сегодня ночью старый король. Спит ли он или бодрствует где-то в диких землях севера Англии. Как же страшно представлять, что он, крепко заснув, видит, как молодые король с королевой возлагают друг на друга короны, чтобы занять его место на троне, как танцуют сегодня вечером и как завтра королева наденет корону, ранее принадлежавшую его жене. Отец говорит, что мне нечего бояться, что злая королева сбежала во Францию, но никто из ее французских друзей ей не поможет. Отец встречается с королем Франции, чтобы заручиться его дружбой и чтобы злая королева не получила от него тоже никакой помощи. Она наш враг, она враг мира в Англии. Отец проследит за тем, чтобы во Франции ей не нашлось дома, а в Англии – трона. А пока спящий король без жены, без сына будет лежать, тепло укутанный, где-нибудь в маленькой крепости где-то возле Шотландии, как пчела в соте в ожидании лета. Отец говорит, что королеву будет выжигать злоба, а король так и не проснется, пока не придет их смертный час, и что мне их совсем не стоит бояться. Это мой отец смело сверг с трона спящего короля и возложил его корону на голову короля Эдуарда, так что, скорее всего, он прав. Это мой отец лицом к лицу встретился с тем ужасом, который принесла злая королева, волчица, что страшнее всех французских волков, и это он нанес ей поражение. Только вот мне совсем не нравится думать о том, как свет падает на закрытые веки спящего короля Генриха, в то время как люди, свергшие его с престола, танцуют в залах, некогда принадлежавших ему самому. И как злая королева где-то далеко во Франции возносит к небу страшные клятвы отмщения всем нам, проклиная нас и лишает нас права на счастье, грозя вернуться сюда, в то место, которое она называет своим домом.

Когда возвращается Изабелла, я стою на коленях возле узкого окна и смотрю на отражающийся от поверхности реки лунный свет, думая о спящем короле и его снах.

- Тебе давно пора было спать, – заявляет она.

- Она же не может вернуться, чтобы отомстить нам, правда?

- Злая королева? – сразу понимает, что речь идет о королеве Маргарите Анжуйской, страх перед которой пропитал все наше с ней детство. – Нет. Она побеждена, буквально повержена при Таутоне. Она бежала и больше не вернется.

- Точно?

Изабелла обнимает меня за плечи:

- Ты сама знаешь, что это совершенно точно. Ты знаешь, что мы в безопасности. Сумасшедший король крепко спит, а злая королева потерпела поражение. А ты пользуешься этим в оправдание того, что до сих пор не спишь.

Я послушно поворачиваюсь и снова сажусь на кровать, натягивая одеяло до самого подбородка.

- Я буду спать. Правда, было чудесно?

- Не совсем.

- А правда, она красивая?

- Кто? – спрашивает она, будто не понимает, о ком я говорю, и будто бы ей совершенно не ясно, кто этим вечером был самой красивой женщиной Англии.

- Молодая королева Елизавета.

- Ну, что-то она мне не показалась величественной, как это подобает королеве, – отвечает мне она, стараясь подражать надменному тону матери. – Не знаю, как она себя покажет на рыцарском турнире, она же была женой простого сквайра, и родители ее – никто. Откуда она будет знать, как себя вести?

– А что? Как бы ты себя вела? – спросила я, стараясь как можно дольше затянуть момент укладывания. Изабелла всегда знала намного больше меня: она была на целых пять лет старше, и к тому же она – любимица родителей, ее ожидало прекрасное замужество. Она уже почти женщина, а я всего лишь ребенок. Она даже критикует королеву!

– Ну, я бы вела себя с большим достоинством, чем она. Я бы не стала шептаться с королем и ронять свое достоинство так, как она. Я бы не стала рассылать другим угощения и размахивать в знак приветствия, как она. Я бы не стала тащить ко двору всех своих братьев и сестер, как она. Я была бы более сдержанна и холодна. Я бы не стала никому улыбаться, никому кланяться. Я была бы настоящей королевой, королевой изо льда, без друзей и семьи.

Я настолько очарована представшей перед моими глазами картиной, что опять незаметно для себя стала вылезать из кровати. Я стянула с кровати меховое покрывало и протянула его Изабелле:

– Какой? Какой бы ты была? Покажи, Иззи!

Она набрасывает его на плечи наподобие накидки, высоко поднимает голову, вытягивается на все свои метр сорок сантиметров и начинает вышагивать по крохотной комнатке, едва кивая воображаемым придворным.

– Вот так, – говорит она. – *Comme ça* [4 - Вот так (фр.).] – элегантно, но совершенно отстраненно и недружелюбно.

Я соскакиваю с кровати, хватаю платок и набрасываю его себе на голову, изо всех сил стараясь подражать величественности Изабеллы, копируя ее кивки направо и налево.

– Приветствую вас, – обращаюсь я к пустому креслу и замираю, будто прислушиваясь к какой-то просьбе. – Нет, вовсе нет. Я ничем не могу вам помочь. Очень жаль, но это место я уже отдала сестре.

– Моему отцу, лорду Риверсу, – добавляет Иззи.

– И моему брату, Энтони, он такой красавчик!

– Брату Джону тоже, а еще – отдала целое сокровище моим сестрам. Вам совсем ничего не осталось, у меня очень большая семья, – надменно протянула Изабелла. – И их всех необходимо пристроить. Причем пристроить хорошо.

– Да, всех их, всю пару дюжин, – добавляю я. – Вы видели, сколько их зашло за мной в зал? И где, по-вашему, мне искать для всех них титулы и земли?

Мы ходим по комнате кругами и, поравнявшись друг с другом, церемонно и холодно раскланиваемся.

– А вы кто такая? – вопрошаю я.

– Я королева Англии, – заявляет Изабелла, на ходу меняя правила игры. – Я – королева Изабелла Английская и Французская, только что сочетавшаяся браком с королем Эдуардом. Он полюбил меня за мою красоту. Он без ума от меня. Он настолько лишился рассудка от своей любви ко мне, что забыл о своих друзьях и своем долге. Мы поженились тайно, а теперь меня коронуют.

– Нет, нет, это же я была королевой Англии! – говорю я, срывая с головы платок и поворачиваясь к ней. – Я – королева Анна Английская. Я – королева Англии, меня избрал король Эдуард.

– Он никогда тебя не выберет, ты младше меня.

– Он выбрал! Выбрал! – Я чувствую, как у меня внутри все закипает, и понимаю, что могу испортить всю игру, но не могу вынести ее первенство даже тут, в нашей игре.

– Мы же не можем обе быть королевами Англии, – резонно замечает она. – Ты будешь королевой Франции, да, ты можешь быть королевой Франции, Франция тоже неплоха.

– Англии! Я королева Англии! Я ненавижу Францию!

– Ну, ты ею быть не можешь, – отрезала она. – Я старше, поэтому я первая выбираю. Я – королева Англии, и Эдуард в меня влюблен.

Я теряю дар речи от гнева на то, как вероломно она заявляет свои права по старшинству, внезапно превращая игру в противостояние. Я топаю ногой, мое лицо наливается жаркой краской, и я чувствую, как глаза наполняются слезами.

- Англии! Я - королева Англии!

- Ты всегда все портишь, потому что еще малявка, - объявляет она, отворачиваясь от меня. В это время за нами открывается дверь и в комнату входит Маргарита.

- Юные леди, вам обеим пора уже спать. Святые угодники! Что вы сделали с покрывалом?

- Изабелла не дает мне... - начала я. - Она вредничает!

- Неважно, - обрывает она меня. - Быстро в кровать. Что бы это ни было, вы поделите это завтра.

- Но она не делится! - Я давлюсь солеными слезами. - Она никогда не делится. Мы играли, и...

Изабелла коротко смеется, будто мое горе кажется ей смешным, и обменивается с Маргаритой взглядами, будто бы говоря, мол, опять ребенок раскапризничался. Это становится для меня последней каплей. Я начинаю рыдать в голос и падаю лицом на подушку. Никто меня не любит, никто не поверит в то, что мы играли вместе как равные, как сестры, до тех пор, пока Изабелла не решила присвоить себе то, что ей не принадлежало. Она же должна делиться, она это знает. Как несправедливо, что я всегда во всем последняя.

- Это несправедливо! - горестно произношу я. - Как это ко мне несправедливо!

Изабелла поворачивается спиной к Маргарите, чтобы та расшнуровала корсет ее платья, а потом опустила его пониже и поддержала, чтобы сестра переступила через юбки. А Изабелла не преминула сделать это с той самой надменной миной, как королева, которой она готовилась стать.

Маргарита расправляет платье на кресле, приготавливая его к утренней чистке и припудриванию. Изабелла надевает ночную рубашку и ждет, пока Маргарита расчесывает и заплетает ей на ночь волосы.

Я поднимаю покрасневшее лицо с подушки, чтобы понаблюдать за ними, Изабелла бросает взгляд в мои блестящие от слез глаза и говорит:

– А тебе вообще давно пора было спать. Ты всегда плачешь, когда устаешь. Ты такая капризная. И маленькая. Тебя не стоило еще пускать на ужин. – И потом она смотрит на Маргариту, взрослую двадцатилетнюю женщину, и добавляет: – Маргарита, скажи ей.

– Спи, леди Анна, – мягко отзывается Маргарита. – Тут не о чем спорить.

Я перекатываюсь на свою сторону кровати и отворачиваюсь к стенке.

Она не должна так со мной разговаривать. Она – статс-дама моей матери и наша сводная сестра и должна обращаться со мной теплее. Но со мной никто не считается, а моя родная сестра меня ненавидит. Я слышу, как скрипит кровать, когда на нее забирается Изабелла и устраивается рядом со мной. Ее никто не заставляет молиться на ночь, хотя ее поведение никак нельзя считать правильным. Значит, ей прямая дорога в ад.

– Доброй ночи, – говорит Маргарита. – Благослови вас Господь. – И она задувает свечи и выходит из комнаты.

Мы остаемся наедине в комнате, освещенной только огнем из камина. Я чувствую, как она перетягивает одеяло на свою сторону, но лежу, не двигаясь.

– Можешь плакать хоть всю ночь, – злобно шепчет она. – Но я все равно стану королевой Англии, а ты – нет.

– Я тоже Невилл, – тихо отвечаю я.

– И Маргарита тоже Невилл, – аргументирует Изабелла. – Только незаконнорожденная, но признанная отцом. Поэтому она прислуживает у матери, статс-дама. Она тоже выйдет замуж за какого-нибудь уважаемого

человека, но я выйду замуж по меньшей мере за богатого герцога. А я вот сейчас подумала, что ты, наверное, тоже незаконнорожденная, так что ты станешь моей статс-дамой.

Я чувствую, как у меня из горла рвутся рыдания, но прижимаю обе ладошки ко рту. Я не доставлю ей радости слышать, что она снова довела меня до слез. Я подавлю всхлипы. Если бы я могла перестать дышать, я бы это непременно сделала, и тогда бы они написали моему отцу, что я лежу очень холодная и мертвая в нашей кровати, а ей было бы стыдно, что я задохнулась из-за ее жестокости. А мой отец, который сегодня был так далеко, тогда винил бы ее в утрате его маленькой девочки, которую он любил больше всех на свете. Ну, должен же он любить меня больше всех на свете? Во всяком случае, мне этого очень бы хотелось.

Эрбер, Лондон

Июль, 1465 год

Я понимаю, что должно произойти что-то из ряда вон выходящее, потому что отец проводит смотр своих охранников, выстроив их во дворе нашего прекрасного дома в Лондоне. Туда же отправлен знаменосец и вся домашняя челядь, которой было велено выстроить в ряд лошадей. Наш дом может соперничать роскошью с королевскими дворцами, отец держит более трехсот вооруженных до зубов всадников, одетых в его цвета, и под нашим началом ходит столько слуг, сколько их у короля. Многие говорят, что наши слуги лучше вышколены и гораздо более послушны, чем те, что служат самому королю. Во всяком случае, наши точно лучше едят и живут в лучших условиях.

Я жду возле выхода в сад, отец должен будет здесь пройти, и, может быть, он расскажет мне о том, что там происходит. Изабелла сейчас занимается в классной комнате наверху, и я не собираюсь бежать за ней, чтобы она ничего не пропустила. Я слышу стук каблуков высоких сапог для верховой езды о каменную мостовую, узнаю шаги отца и склоняюсь в глубоком реверансе в ожидании его благословения, но, к великому своему разочарованию, замечаю, что он не один. С ним вместе идет мать, ее статс-дамы и Изабелла. Она показывает мне язык и ухмыляется.

– А вот и моя маленькая девочка. Ты ждешь, чтобы посмотреть, как я выеду? – Отец с благословением кладет руку мне на голову и наклоняется, заглядывая мне в лицо. Он высок и статен, как всегда. Когда я была совсем маленькой, то думала, что его грудь сделана из металла, потому что никогда не видела его без доспехов. Он улыбается мне, его темно-карие глаза блестят из-под полированного шлема, густая темная борода аккуратно подстрижена, и он кажется мне воплощенным божеством войны.

– Да, ваша милость, – отвечаю я. – Вы снова уезжаете?

– Мне сегодня предстоит очень важное дело, – торжественно объявляет он. – Знаешь, в чем оно состоит?

Я качаю головой в ответ.

– Кто наш самый худший враг?

Ну, это легко.

– Злая королева.

– Правильно, и жаль, что она не в моей власти. А кто наш второй по силе враг – ее муж?

– Спящий король, – отвечаю я.

– Так ты их называешь? – смеется он. – Злая королева и спящий король? Ну что же, юная леди, вы весьма сообразительны. – Я бросаю взгляд на Изабеллу, которая называет меня глупой, чтобы узнать, как ей понравилась такая похвала. – А кого, как ты думаешь, выдали нам предатели и кто теперь едет в Лондон, чтобы оказаться там, где я и говорил, ему место, за решеткой в Лондоне?

– Спящий король?

– Правильно, – отвечает он. – И я вместе со своими людьми еду, чтобы встретить и провезти его по улицам Лондона к Тауэру, где он и останется до конца своих

дней.

Я смотрю на него, такого большого, не смея заговорить.

- Что такое?

- Можно мне с вами?

- Да ты у нас бравый маленький сквайр! - смеется он. - Тебе надо было родиться мальчиком. Нет, тебе с нами нельзя ехать. Но когда я посажу его туда, ты сможешь прийти и посмотреть на него через дверь, и тогда ты поймешь, что тебе нечего больше бояться. Король сейчас у меня в руках, а без него королева, его жена, ничего не может сделать.

- Но тогда в Лондоне будет два короля, - заявляет Изабелла, делающая шаг вперед и своим умным видом изо всех сил пытающаяся привлечь к себе внимание.

- Нет, - качает головой отец. - Король здесь один, Эдуард. Король здесь тот, кого я возвожу на трон. Только у него есть истинное право, и к тому же он одержал победу.

- Как ты провезешь его по городу? - спрашивает мать. - Ведь на улицах соберется много зевак.

- Связанным, - коротко отвечает отец. - Посажу его верхом и свяжу его ноги пропущенной под животом лошади веревкой. Он совершил преступление против нового короля Англии и против меня, поэтому именно таким его и должны увидеть.

Мать тихо вздыхает в знак неодобрения, на что отец отвечает смехом.

- В северных горах он крепко спал и не сможет выглядеть по-королевски, - сказал он. - Он жил не в лучших условиях, не как король, а как простой изгой. Это положит конец его позору.

– И они увидят, что именно ты, величественный, как сам король, ведешь его в застенки, – добавляет мать.

Отец снова смеется, оглядывается на своих людей, выстроенных и вооруженных, как королевская гвардия, и кивает знаменосцу, чтобы тот развернул его стяг, на котором изображен медведь и зазубренный кол. Я смотрю на него снизу вверх, очарованная и захваченная ощущением его величия и мощи.

– Да, именно я посажу в тюрьму короля Англии, – признает он, потом касается моей щеки, улыбается матери и снова отправляется в сторону двора. Его конь, любимый жеребец отца, названный Вороном за гладкие черные бока, уже стоит возле мостика для посадки. Мой отец легко вспрыгивает в седло и оборачивается, чтобы взглянуть на своих людей и взмахом руки дать команду к отправлению. Ворон нервно перебирает ногами от нетерпения. Отец одной рукой туго натягивает поводья, а другой нежно похлопывает его по шее.

– Молодец, – говорит он. – Великое дело, которое мы выполним сегодня, завершит начатое при Таутоне. А тогда мы с тобой знатно потрудились.

– Марш! – кричит он своим сопровождающим и выводит их из двора под каменной аркой прямо на улицы Лондона. Они направляются в Ислингтон, на встречу с охраной, под надзором которой сейчас находится спящий король. Он позаботится о том, чтобы страшные сны больше не навлекали беду на эту страну.

Замок Барнард, графство Дарем

Осень, 1465 год

Меня и Изабеллу позвали в жилые покои отца в одном из наших домов на севере страны, в замок Барнард. Я люблю это место больше всех остальных. Он застыл на крутом обрыве над рекой Тис, и из окошка нашей спальни я могу бросить камешек прямо в пенящиеся далеко внизу воды. Это небольшой замок с окруженными ровом высокими стенами, вокруг которых стоит еще одна гранитная стена, а за ней из соображений безопасности приютился небольшой городок, носящий одно с замком название. Его жители падают на колени, когда мы проезжаем мимо них. Мать говорит, что для людей севера мы, Невиллы,

подобны богам, связанным с ними клятвами верности, уходящими своим происхождением в глубины веков, когда на земле существовали демоны, морские чудища и великие змеи, и мы поклялись защищать их от всех них, а еще от шотландцев.

Мой отец здесь призван вершить правосудие, и, пока он сидит в парадном зале, разбирая ссоры и выслушивая петиции, Изабелла, я и подопечные нашего отца, включая Ричарда, младшего брата короля, можем кататься на лошадях. Мы ездим на раскинувшиеся почти до самой Шотландии болота, охотимся на ястребов, фазанов и куропаток. Ричард и остальные мальчишки должны по утрам заниматься со своими наставниками, но после обеда им разрешено присоединяться к нам. Мальчиками мы называли сыновей знатных родов, таких, как Фрэнсис Лоуэлл, или детей знатных северных родов, гордившихся тем, что им предоставлено место в нашем доме, наши кузены и другие родственники, обычно проводившие с нами год или два, чтобы научиться управлять своими подданными. Роберт Брэкенбери[5 - Будущий констебль Тауэра, который, по версии Томаса Мора, в 1514-1518 годах отказался от поручения короля Ричарда III убить заключенных там принцев Эдуарда V и его брата Ричарда.], наш сосед, – постоянный спутник Ричарда, словно маленький оруженосец рыцаря. Ричарда я, конечно, люблю больше всех, потому что теперь он брат самого короля Англии. Он одного роста с Изабеллой, но безудержно храбр, и втайне ото всех я его обожаю. Он обычного телосложения, у него темные волосы, он исполнен решимости непременно стать великим рыцарем, знает все о рыцарстве и Камелоте и иногда читает мне рассказы о них, будто бы в них речь идет о настоящих людях. Он говорит так серьезно, что мне и в голову не приходит усомниться в нем.

– Леди Анна, в мире нет ничего важнее рыцарской чести. Я предпочту умереть, нежели лишиться чести.

Он ездит на своем пони так, будто рвется в кавалерийскую атаку, ему отчаянно хочется поскорее вырасти и стать таким же большим и сильным, как два его старших брата, а еще – стать лучшим воспитанником отца. Я понимаю его стремления, потому что хорошо знаю, что значит быть всегда последним в семье, где все друг с другом соперничают, но ему я об этом никогда не скажу: он исполнен горячей северной гордости и никогда не простит мне моего понимания. Как я не простила бы ему жалости к себе за то, что я младше Изабеллы, невзрачнее ее и родилась девочкой, когда все так ждали сына. О некоторых вещах лучше не разговаривать: мы с Ричардом знаем, что оба

мечтаем о величии, но никто другой об этом знать не должен.

Мы сидим в классной комнате с мальчиками, слушаем, как они занимаются греческим языком, когда туда входит Маргарита с известием о том, что за нами послал отец и велел прибыть немедленно. Мы с Изабеллой встревожены, потому что до этого он никогда за нами не посылал.

- А мне не надо идти? - спрашивает Ричард у Маргариты.

- Нет, - отвечает она.

- Выходит, зовут только вас, - усмехается он, глянув на Изабеллу, решив, как и мы сами, что нас поймали за чем-то неблаговидным. - Может быть, вас выпорют.

Обычно, когда мы живем на севере, мы предоставлены сами себе и видимся с отцом и матерью только за ужином. У отца очень много дел. Всего лишь год назад он прекратил борьбу с остальными северными замками, оказывавшими поддержку спящему королю. Мать, приезжая в свои северные владения, полна решимости исправить все, что было сделано неверно в ее отсутствие. Выходит, что если господин наш отец пожелал нас увидеть, то это для нас может означать лишь одно - неприятности. Правда, мне никак не удается вспомнить, что мы могли сделать не так.

Когда мы входим в покои отца, он сидит за столом, на огромном кресле, напоминающем трон. Один его помощник кладет перед ним одну бумагу за другой, и отец пишет пером на каждой из них букву «У», граф Уорик, по одному из его титулов. Второй помощник, наклонившись над столом со свечой в одной руке и сургучом во второй, капает красноватый сургуч аккуратным пятном на документ, а отец прикладывает к нему перстень, оставляя аккуратную печать. Весь ритуал чем-то похож на волшебство: он превращает свои желания в реальность. Мы стоим возле дверей, ожидая, когда он обратит на нас внимание, а я размышляю о том, как здорово быть мужчиной, ставить подпись на документе и быть уверенным в том, что сказанное в нем будет исполнено. Я бы рассылала приказы весь день напролет, просто ради удовольствия.

Когда помощник забирает со стола бумаги, он поднимает взгляд и замечает нас, делая нам жест подойти. Мы подходим и, как полагается, делаем реверанс, а отец поднимает руку в знак благословения. Затем он отодвигает стул и зовет

нас подойти поближе. Он протягивает ко мне руку, и, когда я подхожу, он похлопывает меня по голове, как он хлопает своего коня, Ворона. Ощущение от этого прикосновения нельзя назвать особенно приятным, потому что у него довольно тяжелая рука, а у меня на голове сложная прическа, затянутая золотой сеткой, и он каждым хлопком рушит эту прическу. Изабеллу он не подзывает поближе, и она стоит, немного неуклюже, глядя на нас двоих, и я оборачиваюсь к ней с торжествующей улыбкой, потому что это меня касается рука отца, это я опираюсь о подлокотник его кресла, будто бы мне там очень удобно, и меня не пугают эти внезапные проявления расположения.

– Ну что, мои хорошие девочки, как у вас успехи с учебой? – неожиданно спрашивает он.

Мы обе киваем в ответ. Мы, безо всякого сомнения, хорошие девочки, и мы каждое утро занимаемся со своей собственной гувернанткой, по понедельникам изучая логику, по вторникам грамматику, по средам риторику, по четвергам французский язык и латынь и музыку и танцы – в пятницу. Пятница – самый лучший день недели, разумеется. Мальчики сначала занимаются греческим языком, а потом оттачивают мастерство владения оружием, устраивая поединки и учась управляться с палашом. Ричард – прилежный ученик, и он с усердием тренируется с оружием. Изабелла значительно опережает меня в учебе, и ей осталось заниматься всего год, пока ей не исполнится пятнадцать. Она говорит, что девичьи головы не в состоянии воспринимать риторику и что, когда она покинет комнату для занятий, я останусь там совершенно одна и меня оттуда не выпустят до тех пор, пока я не выполню всю книгу упражнений целиком. Мысль о пустой комнате без занятий меня настолько пугает, что я даже подумываю, не сказать ли об этом отцу и попросить, чтобы меня тоже освободили от обязанности учиться. Особенно сейчас, когда его рука так тяжело лежит на моем плече и он кажется так хорошо ко мне настроенным. Потом я смотрю в его мрачное лицо и понимаю: не стоит мне этого делать.

– Я послал за вами, чтобы сказать, что королева пригласила вас обеих ко двору, – говорит он. Изабелла позволяет себе тихий вздох восторга, и ее круглое лицо розовеет, словно спелая ягода.

– Нас? – переспрашиваю я в изумлении.

– Вам оказана честь, сообразно вашему положению в этом мире, как моим дочерям. И еще потому, что она видела, как вы вели себя при дворе. Она

сказала, что ты, Анна, была особенно очаровательна на ее коронации.

Я слышу слово «очаровательна» и какое-то время не могу думать ни о чем другом. Королева Англии, пусть даже ею была королева Елизавета, до этого бывшая просто Елизаветой Вудвилл, почти никем, сочла меня очаровательной. И она сказала отцу, что считает меня очаровательной. Меня просто распирает от гордости, и я поворачиваюсь к своему потрясающему отцу, чтобы одарить его, по моим представлениям, очаровательной улыбкой.

– И она с полным правом полагает, что вы украсите ее комнаты, – продолжает он.

Я задумываюсь о слове «украсит», не вполне представляя себе, что оно может означать. Она имеет в виду, что поручит нам украшать свои покои с помощью ковров и гобеленов, закрывая ими плохо окрашенные стены? Или нам придется стоять на месте, замерев, как статуи? Меня сделают чем-то вроде вазы?

Глядя на мое озадаченное лицо, отец смеется и кивает Изабелле:

– Скажи своей младшей сестре, что она должна будет делать.

– Она имеет в виду, что мы будем ей прислуживать, – шипит она мне.

– Ой!

– Что вы на это скажете? – спрашивает отец. Что по этому поводу думает Изабелла, он уже и так видит: у нее уже сбилось дыхание от восторга, ее голубые глаза сверкают.

– Я буду очень рада, – с трудом произносит она. – Это честь для нас. Честь, которой я не ждала... Я принимаю приглашение.

– А ты, малышка? – поворачивается он ко мне. – Мой мышонок? Ты тоже пришла в восторг, как твоя сестра? Ты тоже торопишься прислуживать новой королеве? Танцевать вокруг нового светильника?

Что-то в его голосе наводит меня на мысль о том, что на этот вопрос нельзя отвечать положительно. Хотя я и помнила королеву так же смутно, как осоловевший от поста дьячок помнит праздничную икону. Мне сложно представить себе что-либо чудеснее и замечательнее, чем служить этой красавице. Мне улыбалась ее мать, она сама сочла меня очаровательной. Я была готова взорваться от гордости за то, что ей понравилась, и радости от того, что она выбрала меня. Но я должна была быть осторожной.

– Как вы сочтете правильным, отец, – отвечаю я, опуская взгляд, потом снова поднимая его к его темным глазам. – Она нам нравится? – Он отвечает коротким смешком.

– Боже упаси! Что за сплетни до вас дошли? Конечно, мы любим и чтим ее, она наша королева, жена нашего короля. Она лучшая среди всех принцесс мира. Только представьте себе: из всех леди благородной крови христианского вероисповедания, на которых он мог жениться, он выбрал именно ее! – Я слышу в его голосе какой-то подвох, почти издевку. Слова, которые он говорит, верны и праведны, но в них таится какой-то скрытый смысл, что-то в тоне, похожее на интонации Изабеллы, когда она старается меня запугать. – Какая ты глупышка, что задаешь подобные вопросы, – продолжает он. – Мы поклялись ей в верности. Ты сама присягала ей на коронации.

Изабелла смотрит на меня и кивает, будто поддерживая отца в моем осуждении.

– Она слишком мала, чтобы это понимать, – уверяет она его поверх моей головы. – Она вообще ничего не понимает.

Я тут же вспыхиваю негодованием:

– Я понимаю, что король пошел против советов отца! А это именно отец возвел его на трон! И он мог погибнуть, сражаясь со злой королевой и спящим королем ради Эдуарда!

Мой ответ снова его смешит.

– Устами младенца... воистину! – Потом он отмахивается от этой мысли. – В общем так, вы никуда не едете. Ни одна из вас не отправится ко двору прислуживать этой королеве. Вместо этого вы поедете с матерью в замок Уорик

и станете у нее учиться тому, как управлять таким роскошным замком. Не думаю, что ее королевское величество сможет научить вас чему-то, чего бы ваша мать не знала с самого детства. В наших жилах течет королевская кровь, а эта молодая королева собирала яблоки в садах усадьбы Гроуби-холл. Ваша мать – урожденная Бичемп, вышла замуж за представителя семьи Невилл, поэтому я усомнюсь, что ей надо еще чему-то учиться в роли первой леди Англии. И уж, во всяком случае, не у этой Елизаветы Вудвилл, – тихо добавил он.

– Но, отец! – Изабелла настолько исполнилась отчаяния, что не может остановиться. – Разве мы не должны служить королеве, если она об этом попросила? Может быть, хотя бы мне стоит поехать? Анна слишком мала, но разве мне не надо ехать ко двору?

Он смотрит на нее так, будто презирает ее тщетное стремление всегда быть в центре событий, при дворе, рядом с королевой, в самом сердце королевства, видеть короля каждый день, жить во дворце, быть наряженной в роскошные платья, при дворе недавно взошедшей звезды, в залах, наполненных музыкой, среди стен, украшенных шпалерами, при дворе, празднующем обретение власти.

– Возможно, Анна еще и мала, но понимает она куда больше твоего, – холодно отвечает он. – Ты хочешь оспорить мои слова?

Она тут же приседает в низком реверансе и опускает голову:

– Нет, милорд. Никогда. Конечно, нет.

– Можете идти, – говорит он с таким выражением, будто мы обе его утомили. Мы быстро, словно мыши, выскальзываем из его кабинета, и дверь за нами тут же закрывается.

– Вот видишь, – киваю я Изабелле. – Я была права! Мы не любим королеву.

Замок Уорик

Весна, 1468 год

Мы не любим королеву. В самом начале своего замужества она настраивает своего мужа, короля, против моего отца, его самого первого друга, человека, который посадил его на трон и подарил ему королевство. Они принимают большую государственную печать от моего дядюшки Георга и смещают его с его великого поста лорда-канцлера, они отправляют моего отца в качестве доверенного лица во Францию и затем обманывают его, заключив за его спиной частную сделку с мятежной Бургундией. Мой отец в ярости и винит во всем королеву и ее семью, это они склоняют его следовать не его интересам, а благу ее бургундской родни. Хуже всего, что король Эдуард выдает свою сестру Маргариту замуж за герцога Бургундского. Вся сложная работа моего отца над построением отношений с великой силой Франции пошла насмарку из-за неожиданно проявленного дружелюбия к врагу. Эдуард сделает Францию врагом, а все усилия моего отца сделать их нашими друзьями пропадут без результата.

А какие свадьбы устраивает королева, чтобы возвеличить свою семью! В тот самый момент, когда на ее чело опускается корона, в ее руки и руки ее многочисленных сестер переходят нити судеб почти всех состоятельных и благородных молодых мужчин Англии. Молодого Генриха Стаффорда, герцога Бэкингемского, которого мои родители выбрали для меня, она женит на своей сестре Екатерине, маленькой девочке, которая сидела за нашим столом во время торжественного обеда в честь коронации. Ребенок, рожденный и выросший в деревенском доме в Графтоне, стал герцогиней. Несмотря на то что молодожены не старше меня, королева все равно сочетает их браком и селит в своем дворце в качестве своих воспитанников, бдительно оберегая имущество Стаффордов, потому что оно теперь тоже принадлежит ей. Моя мать говорила, что Стаффорды, самая гордая семья в Англии, никогда ей этого не простят, как не простим ей этого и мы. Маленький Генрих кажется больным, будто его кто-то отравил. Он может проследить свое родство с королями Англии, а был вынужден жениться на маленькой Екатерине Вудвилл, а его тестем стал простой сквайр.

Своих братьев она женит на дочерях людей, обладающих титулом или состоянием. Своего миловидного брата Энтони она породнила с девушкой, подарившей ему титул барона Скейлз. Но нам королева больше никаких предложений не делает, будто с того момента, как отец сказал, что мы не приедем ко двору, мы перестали для нее существовать. Больше не было никаких предложений для меня или Изабеллы. Мать говорит, что мы никогда не опустимся до уровня кого-либо из Риверсов, как бы высоко они ни забрались, но это означает, что у меня нет брачной партии, хоть мне и исполняется двенадцать лет уже в июне. Изабелле еще хуже: она так и осталась в свите

матери, хотя ей уже исполнилось шестнадцать. Наша мать была помолвлена сразу после рождения, а выдана замуж и начала исполнять супружеские обязанности уже в четырнадцать, и от этого Изабелла с каждым днем все больше теряет терпение, будто бы с каждым шагом проигрывает в гонке к алтарю. Кажется, что мы исчезли с лица земли, словно заколдованные принцессы в страшной сказке, пока королева Елизавета выдает замуж своих сестер и кузин замуж за всех состоятельных молодых дворян Англии.

– Может быть, ты выйдешь за какого-нибудь заморского принца? – пытаюсь я успокоить Изабеллу. – Вот мы вернемся в Кале, и отец найдет тебе принца из Франции. Должны же они что-то придумать для нас.

Мы находимся в дамских покоях в замке Уорик и должны заниматься рисованием. Перед Изабеллой лежал неплохой набросок пейзажа за окном, а на моем листе были одни каракули, которые должны были изображать лютню Ричарда и букет примул, только что собранных на берегах реки Эйвон.

– Какая ты глупая, – жестко отвечает она. – Что нам толку от какого-то французского принца? Нам нужен трон Англии, а на этом троне сейчас сидит новый король Англии, которому его жена приносит только девочек. Мы должны занять свое место среди престолонаследников, мы должны подобраться ближе. Ты просто глупа, как гусыня.

Я даже не обращаю внимания на оскорбление.

– Зачем нам трон Англии?

– Отец короновал Йорков не для того, чтобы оказать им услугу, – стала объяснять она. – Он посадил их на трон для того, чтобы они делали то, что он им велит. Отец хотел управлять Англией из-за кулис, руками Йорков. Эдуард был ему словно младший брат, отец собирался быть его наставником. Об этом все знают.

Все, кроме меня. Я думала, что отец сражался за Йорков потому, что они были наследниками престола по праву, потому, что королева Маргарита Анжуйская была плохой женщиной, и потому, что король впал в беспробудный сон.

– Но сейчас, когда король Эдуард слушает только свою жену и ее семейство, нам придется присоединиться к их семье, чтобы оказывать на него влияние, – продолжает Изабелла. – Мы с тобой выйдем замуж за его братьев, герцогов, членов королевского семейства, если мать сможет об этом договориться.

Я чувствую, как мои щеки заливают горячая краска.

– Ты хочешь сказать, что меня могут выдать замуж за Ричарда?

– Не может быть, чтобы он тебе нравился! – Изабелла заливается смехом. – Он такой темноволосый, смуглый и такой неуклюжий...

– Он сильный, – неожиданно заявляю я. – И может ездить верхом на любом скакуне, и еще храбрый, и...

– Если ты хочешь замуж за наездника, то почему бы тебе не обратить внимания на Джона, конюшего?

– А ты точно знаешь, что они собираются об этом договориться? Когда мы поженимся?

– Отец уже все решил. – Ее голос падает до шепота. – Но она точно попытается этому помешать. Она не захочет, чтобы братья короля роднились с кем-либо, кроме ее семьи и друзей. Она не пустит нас ко двору, чтобы мы выделялись на ее фоне, показывая, как должна вести себя истинно благородная английская леди из хорошей семьи. Она все время пытается отдалить короля от отца, потому что знает, что отец говорит ему правду и дает хорошие советы, и еще потому, что знает: отец не в восторге от того, чего хочет она, и говорит об этом королю.

– А отец уже просил у короля разрешения? Ну, на наши свадьбы?

– Он собирается это сделать, как только встретится с королем, – отвечает она. – Может быть, он делает это прямо сейчас. И тогда мы с тобой обе будем обручены с братьями короля Англии. И станем герцогинями, членами королевского семейства. Тогда мы станем выше по положению самой матери королевы, Жакетты, и матери самого короля, герцогини Сесилии. Мы станем

первыми леди Англии после самой королевы.

Я смотрю на нее в немом изумлении.

– А кем нам еще быть? – возмущенно вопрошает она. – Ты сама подумай, кто наш отец! Разумеется, нам полагается быть первыми леди Англии.

– И если у короля Эдуарда не будет сыновей, – медленно говорю я, словно размышляя вслух, – тогда его брат станет следующим королем после его смерти.

– Да! Именно так! – Изабелла обнимает меня в порыве радостных чувств. – Джордж, герцог Кларенский. – Она смеется от радости. – Он будет королем, а я стану королевой!

Я замолкаю, охваченная благоговейным трепетом.

– Королева Изабелла, – произношу я.

– Я всегда считала, что это хорошо звучит, – кивнула она.

– Иззи, ты будешь просто великолепно!

– Я знаю, – соглашается она. – А ты будешь герцогиней и станешь все время находиться при мне. Будешь первой леди моего дома. У нас будут такие наряды!

– Но если ты проживешь долгую жизнь и тоже не родишь сыновей, то после смерти Джорджа королем станет Ричард, а я буду королевой. Королева Анна!

Улыбка на ее лице меркнет.

– Нет, это уже совсем маловероятно.

Отец возвращается из двора в ледяном молчании. Ужин подан в зале для приемов замка Уорик, где одновременно за стол садятся сотни наших людей. Зал гудит от позвякивания столовых приборов о тарелки, скрипа ножей по

деревянным разделочным доскам, но во главе стола, где сидит мой отец, ужин проходит в абсолютном молчании. Мать сидит по правую руку от него, внимательно наблюдая за той частью стола, где сидят ее воспитанницы, готовая в любой момент указать им на ошибки в поведении. Ричард сидит слева от отца, настороженный и тихий. Изабелла сидит возле матери, напуганная тяжелым молчанием. А я, как всегда, сижу от него дальше всех. Я не знаю, что случилось, но я обязательно разыщу того, кто мне об этом расскажет.

Я нахожу нашу сводную сестру Маргариту. Она – незаконнорожденная дочь нашего отца, но он признал ее с самого рождения, и мать оплатила ее воспитание и сейчас держит вместе с другими юными особами, находящимися у нее на воспитании и в услужении, в качестве своего доверенного лица. Сейчас Маргарита замужем за одним из воспитанников отца, сэром Ричардом Хаддлстоном, и хотя она уже взрослая женщина двадцати трех лет, которая всегда в курсе всех событий, она, в отличие от всех остальных, всегда мне все рассказывает.

– Маргарита, что происходит?

– Король отказал нашему отцу, – хмуро отвечает она. Мне удалось поймать ее в нашей спальне, где она следила за горничной, укладывавшей грелки в наши холодные кровати, а слуга втыкал меч между нашими матрасами, чтобы убедиться в отсутствии угрозы. – Как ему не стыдно! Он забыл, кому обязан всем, что имеет, забыл, откуда он пришел и кто возвел его на трон. Говорят, король сказал отцу прямо в лицо, что никогда не позволит своим братьям жениться на ком-либо из вас.

– Почему? Отец так рассердится...

– Король сказал, что выберет для братьев других жен, возможно, во Франции или в Нидерландах, Фландрии или Германии. Кто же его знает? Он хочет выбрать для братьев принцесс. Вот только королева станет искать среди своих сородичей в Бургундии, она уж точно найдет, кого ему предложить. Отец крайне оскорблен.

– Мы все оскорблены! – выпаливаю я. Потом добавляю уже менее уверенно: – Ведь правда?

Она решительно кивает в ответ, взмахом руки отсылая слуг из комнаты.

- Правда, мы оскорблены. Им никогда не найти двух более красивых девушек для своих герцогов королевской крови, даже в самом Иерусалиме. У короля, благослови его Господь, плохие советчики, которые советуют ему искать где угодно, только не в семье Невилл. И тем более советуют пренебрегать нашим отцом, которому он обязан всем, что имеет сегодня.

- А кто советует ему искать где угодно? - спрашиваю я, хотя уже и так знаю ответ. - Кто дает ему плохие советы?

Она отворачивается и вместо ответа плюет в огонь.

- Она, - наконец произносит Маргарита. И мы обе понимаем, о ком идет речь.

Возвращаясь в зал, я вижу Ричарда, брата короля, погруженного в беседу со своим учителем. Я догадываюсь, что он тоже спрашивал о новостях, как я только что в разговоре с Маргаритой. Он бросает на меня взгляд, и я понимаю, что они разговаривают обо мне, что учитель только что сказал ему, что мы не будем обручены и что королева, сама вышедшая замуж за человека по своему собственному выбору, всем нам готовит лишние любовные союзы. Ричарду придется связать свою судьбу с принцессой и заморской герцогиней. Однако с некоторым раздражением я замечаю, что Ричард несколько не расстроен известиями. Он выглядит так, словно его ничуть не беспокоит возможность быть обвенчанным с невысокой, темноволосой и светлокожей тощей девицей, без малейшего намека на грудь, которая у нее так и останется тощей всю свою жизнь. Я вздергиваю подбородок, как будто мне тоже нет до этого дела. Подумаешь, я бы не вышла за него, даже если бы меня об этом упрашивали! А если я внезапно вырасту в редкую красавицу, он еще пожалеет о том, что меня потерял.

- Ты уже слышала? - спрашивает он, подходя ко мне с робкой улыбкой. - Мой брат, король, сказал, что мы с тобой не поженимся. У него на меня другие планы.

- Я никогда не хотела за тебя замуж, - отвечаю я, тут же обидевшись. - Даже не думай.

– Но твой отец сам предложил этот брак, – возражает он.

– Ну а у короля для тебя приготовлен кто-то другой, – жестко отвечаю я. – Наверняка одна из сестер королевы. Или кузина, или тетушка, или бабка без зубов и с крючковатым носом. Она женила своего младшего брата на моей старой тетке, так что смотри, как бы она не женила тебя на какой-нибудь родовой старой вороне. Это называют «адской свадьбой», наверное, тебя ждет что-то вроде этого.

В ответ он качает головой.

– Мой брат выберет для меня принцессу, – уверенно заявляет он. – Он всегда был ко мне добр, знает, что я верен и предан ему душой и телом. Кроме того, я уже достиг возраста, в котором вступают в брак, а ты еще маленькая.

– Мне уже одиннадцать, – с достоинством уточняю я. – Но вы, Йорки, считаете, что вы-то родились уже сразу взрослыми и не иначе как сразу в титуле лорда. Не стоит вам забывать, что без моего отца вы бы ничего не добились.

– А я и не забываю, – отвечает он и кладет руку на сердце, словно рыцарь из сказки, и кланяется мне так, словно я была взрослой леди. – И мне жаль, что мы не поженимся, малютка Анна. Уверен, что из тебя бы вышла прекрасная великая герцогиня. Надеюсь, что тебе найдут прекрасного принца или даже короля.

– Хорошо, – говорю я, внезапно ощутив неловкость. – И я тебе желаю, чтобы твоя партия была не очень старой.

Тем вечером Изабелла приходит в спальню, дрожа от возбуждения. Она встает на колени возле изножья кровати, чтобы помолиться, и до меня доносится ее шепот: «Господи, только бы это свершилось! Только бы сбылось!»

Я молча жду, пока она снимает свое платье и забирается под одеяло, потом ложится сначала на один бок, потом переворачивается на другой, не в состоянии уснуть.

– Что случилось? – шепчу я ей.

- Я выйду за него замуж!

- Не может быть!

- Да. Милорд отец сказал мне об этом. Мы поедем в Кале, и герцог тайно присоединится к нам по дороге.

- Король передумал?

- Король ничего об этом не узнает.

Я тихо восклицаю от удивления.

- Ты же не можешь выйти замуж за брата короля, не получив разрешения короля!

Она тихо смеется в ответ, и некоторое время мы лежим молча.

- У меня будут такие платья, - шепчет она. - И меха! И украшения!

- А Ричард тоже поедет? - тихо спрашиваю я. - Потому что он считает, что должен жениться на ком-то другом.

В темноте она обнимает меня за плечи и притягивает ближе к себе.

- Нет, - отвечает она. - Он не поедет. Для тебя они найдут кого-то другого, но не Ричарда.

- Не то чтобы он мне очень нравился...

- Я понимаю. Просто ты привыкла к мысли, что должна выйти за него. Это я виновата, я внушила тебе эту идею. Не надо было мне так говорить.

- Если ты выходишь за Джорджа...

– Да, я помню, – тепло отзывается она. – Мы собирались выйти замуж за братьев. Но не бойся, я тебя не оставлю. Я попрошу отца, чтобы он отпустил тебя со мной, когда я уеду ко двору и стану герцогиней. Ты будешь моей придворной дамой.

– Мне бы больше хотелось самой стать герцогиней.

– Я знаю, но этого никогда не случится, – говорит мне сестра.

Замок Кале

11 июля 1469 года

На Изабелле белоснежное шелковое платье с золотистыми рукавами, на мне – белое с серебром, и я иду за ней, неся ее накидку из горностая. Ее волосы сегодня убраны под белую вуаль в особую прическу, и от этого она кажется рослой, почти богиней или даже великаншей. Джордж, жених, в пурпурно-лиловом бархате, цвете императоров. Здесь собрался почти весь английский двор. Если король и не знал об этом тайном венчании, то обязательно должен был догадаться о нем, проснувшись утром и не обнаружив большей половины придворных на месте. Даже его мать, герцогиня Сесиль, махала рукой свадебному кортежу, отъезжавшему от Сэндвича, благословляя судьбу своего любимого сына Джорджа, понимая, что это ускорит конец ее непокорного старшего сына Эдуарда.

Ричарда с его учителем и друзьями оставили в замке Уорик. Отец не стал говорить ему, куда мы отправляемся. Он даже не знал о том, что здесь состоится великое бракосочетание. Я размышляю о том, сожалел ли он, что был оставлен в стороне от этих событий, если бы знал о них, и очень надеюсь на то, что он считает, что упускает прекраснейшую возможность и что его обводят вокруг пальца. Пусть Изабелла и старшая из дочерей Невилл, самая красивая и грациозная и, по заверениям окружающих, самая воспитанная, но я обладаю тем же самым наследием, что и она, и тоже могу вырасти в красавицу. Тогда Ричард поймет, что упустил свой шанс жениться на богатой красавице и его какая-нибудь захудалая испанская принцесса оказалась вовсе не таким сокровищем, каким могла бы стать я. Я с удовольствием представляю себе, как он будет сожалеть, видя, как я хорошею, как мои волосы приобретают золотой оттенок, как у королевы, а улыбка – ту же притягательность, что у нее. Пусть он увидит,

как я выхожу замуж за богатого принца, утопаю в мехах, и поймет, что я потеряна для него навсегда и недоступна, как Джиневра.

Это не просто свадьба, это торжество власти моего отца.

Никто из тех, кто видит сейчас, как почти весь двор собрался по его зову, как они кланяются ему, идущему по богатым галереям замка Кале, размещенного в крепости, которую он удерживает для Англии вот уже долгие годы так, будто он король, никто не мог усомниться в том, что в руках этого человека сосредоточена власть, равная королевской, а может, и превышающая ее. Если Эдуард решил игнорировать советы моего отца, то он вполне мог решить, что есть еще много людей, которые сочтут его лучшим человеком и более сильным лидером, более богатым и однозначно обладающим более вымуштрованной и сильной армией. А сейчас брат короля на глазах у всех, несмотря на запрет короля, по собственной воле берет в жены мою сестру и со свойственной ему очаровательной улыбкой приносит ей клятву верности.

Празднования бракосочетания продолжались весь день и завершились только глубокой ночью. Из кухни приносили блюдо за блюдом, музыканты не сбавляли темп, столы ломились от мяса и фруктов, хлеба и сладостей, густых английских пудингов и французских деликатесов. По сравнению с этим пиром роскошь обеда в честь коронации королевы меркнет. Мой отец так же величественен, как герцог Бургундский, и более силен, чем французский король. Изабелла торжественно восседала в центре главного стола, жестом руки рассылая блюда к столам, которым было необходимо оказать знаки внимания. Джордж, красивый, как настоящий принц, наклоняется к ней и что-то шепчет ей на ухо, улыбается мне, словно стараясь охватить и меня своим вниманием. Я не могу не улыбаться ему в ответ: в Джордже, наряженном в этот великолепный свадебный костюм, есть что-то необычайно привлекательное, и он кажется мне таким же блестящим и уверенным, как сам король.

– Не бойся, малышка, тебя тоже ждет великолепная свадьба, – шепчет мне отец, проходя позади моего стола, где я сижу во главе девушек, находящихся на воспитании или в услужении у моей матери.

– Я думала...

– Я знаю, – обрывает меня он. – Но Ричард умом и сердцем предан своему брату, королю. Он никогда не сделает ничего против воли Эдуарда. Да я и не смог бы его об этом попросить. А вот Джордж. – И он бросил быстрый взгляд в сторону Джорджа, который как раз подливал себе в кубок вина из мальвазии. – Джордж любит себя больше, чем кого-либо другого. Он согласится на путь, наиболее выгодный для него самого, и у меня на него есть большие планы.

Я жду, надеясь, что он скажет что-нибудь еще, но вместо слов он похлопывает меня по плечу.

– Ты должна будешь отвести сестру в спальню и помочь ей подготовиться, – говорит он. – Мать скажет тебе, когда придет время это сделать.

Я перевожу взгляд на мать, которая внимательно осматривал залу, оценивая усердие слуг, наблюдая за гостями. Она кивает мне, и я поднимаюсь на ноги. Изабелла внезапно бледнеет, понимая, что свадебное пиршество подошло к концу и пришло время консумации брака.

Шумный и веселящийся эскорт провожает Джорджа в новую спальню моей сестры. И только уважение к моей матери удерживает их от откровенных непристойностей. Но солдаты из гарнизона и остальные гости выкрикивают советы и пожелания и бросают им под ноги цветы в знак благословения. Мою сестру и ее молодого мужа укладывают в постель архиепископ и двадцать фрейлин и пятеро рыцарей ордена подвязки. В спальне клубится облако благовоний, источаемых кадилами полдюжины священнослужителей, и раздаются громогласные пожелания нашего отца. Мы с матерью последними выходим из комнаты, я, глянув на лицо Иззи, замечаю, как она побледнела от испуга. Рядом с ней Джордж откинулся на подушках, обнаженный по пояс, с виднеющимися светлыми волосами на груди и широкой уверенной улыбкой.

Я мешкаю на выходе. Эта ночь станет первой за всю нашу жизнь, когда мы будем спать порознь. Мне не хочется спать одной, и мне кажется, что я не смогу уснуть без умиротворяющего тепла моей сестры. Не может быть, чтобы Иззи хотела променять меня на этого громкоголосого, пьяного и светловолосого Джорджа. Сестра смотрит на меня, будто пытаюсь что-то сказать. Мать, чувствуя, что между нами существует связь, кладет мне руку на плечо и тихо подталкивает к выходу из комнаты.

– Анни, не уходи, – тихо говорит Изабелла. Я оборачиваюсь и вижу, что она дрожит от страха. Она тянет ко мне руку, словно стараясь задержать меня хотя бы еще на минуту. – Анни! – уже шепчет она. Я не могу противиться мольбе в ее голосе и поворачиваю назад, но мать крепко берет меня за руку и закрывает за нами обеими дверь.

В ту ночь я спала одна, отказавшись от компании одной из служанок. Если я не могу быть со своей сестрой, то мне не нужны никакие компаньоны. Я лежала на холодных простынях, и мне не с кем было обменяться впечатлениями о прошедшем дне, не с кем пошутить, некому меня помучить. Даже когда мы ссорились, как кошки в корзине, я все равно ощущала защиту и поддержку в ее присутствии. Она стала частью моей жизни, как сами стены замка Кале. Я родилась и была воспитана для того, чтобы идти за ней следом – за самой красивой девочкой в нашей семье. И я всегда следовала за ней – за амбициозной, решительной, настойчивой, никогда не молчащей старшей сестрой. А теперь я внезапно осталась одна. Я долго лежу без сна, просто смотря в темноту, пытаюсь осознать, какой теперь будет моя жизнь, когда рядом со мной больше не будет старшей сестры, которая всегда говорит мне, что делать. И я понимаю, что утром все уже будет по-другому.

Замок Кале

12 июля 1469 года

Утром все отличалось от прежнего куда больше, чем я представляла себе в свою первую ночь, проведенную наедине с собой. Со стороны кухонного дворика доносился скрип колес и гомон, слышный у самого мола, в арсенале раздавались голоса, суета и шум со стороны бухты – все это никоим образом не напоминали звуки праздника великой свадьбы. Отец готовился выйти в море.

– Где-то близко пираты? – спрашиваю я своего учителя, ловя его за руку, когда он проходил мимо меня в сторону кабинета отца, относя письменные принадлежности. – Прошу вас, сэр, ответьте, это пиратский рейд?

– Нет, – отвечает он, но лицо его напрягается и бледнеет, словно от испуга. – Все куда хуже. Идите к матери, леди Анна. Я не могу сейчас с вами разговаривать, я

должен идти к вашему отцу и исполнять его приказы.

Хуже пиратского рейда могло быть только нападение французов. Если так, то это значит, что началась война, а половина королевского двора заперта здесь, в этой крепости, под угрозой осады. Хуже этого еще ничего не происходило. Я со всех ног бросаюсь в комнаты матери, но там все оказывается неожиданно тихо. Мать сидела рядом с Изабеллой. Сестра была все еще в своем новом платье, но на ней самой не было и следа прежнего восторга и торжества. Изабелла скорее кажется мне разъяренной. Женщины, сидевшие в кругу и вышивавшие рубашки, хранили какое-то взбудораженное, наэлектризованное молчание. Я склоняюсь в глубоком реверансе перед матерью.

– Миледи, – обращаюсь я к ней. – Прошу вас, скажите, что происходит?

– Можешь сказать ей, – холодно бросает мать Изабелле. Я тут же спешу подойти к сестре, беру стул и усаживаюсь рядом с ней.

– Как ты? – тихо спрашиваю я ее.

– Все в порядке, – отвечает она. – Все оказалось не так уж и страшно.

– Было больно?

Она кивнула.

– Ужасно. И противно. Сначала ужасно, а потом противно.

– Что сейчас происходит?

– Отец пошел войной против короля.

– Нет! – вскрикиваю я слишком громко, чем заслуживаю осуждающий взгляд матери. Я быстро прижимаю ладонь к губам, хотя понимаю, что ничего не могу поделать с выражением ужаса на своем лице. – Изабелла, не может быть!

– Так было запланировано с самого начала, – яростно шепчет она в ответ. – И я стала соучастницей. Он тогда сказал мне, что у него большие планы. Я-то

думала, что он говорил о свадьбе! Я и подумать не могла, что речь идет вот об этом!

Я перевожу взгляд на невозмутимое лицо матери, которая на этот момент буквально прожигала меня своим недовольным взглядом, будто моя сестра каждый день выходит замуж за изменника королевской крови и я позволяю себе неслыханную вульгарность, выражая по этому поводу какие-либо эмоции.

– А наша мать знала? – шепчу я. – Когда она об этом узнала?

– Она знала обо всем с самого начала, – зло отвечает сестра. – Они все всё знали, все, кроме нас с тобой.

От потрясения я замолкаю. Я смотрю на женщин, сидящих в покоях матери и шьющих рубашки для бедных так, будто ничего особенного не произошло, будто это не наш дом шел войной на самого короля Англии, которого сами и возвели на трон каких-то восемь лет назад.

– Он вооружает флот. Они выступают с минуты на минуту.

Я тихо пискнула от ужаса и тут же снова прижала руку ко рту, чтобы из него больше не вырвалось ни звука.

– Ладно, здесь мы не сможем поговорить, – говорит Изабелла, вскакивая на ноги и склоняясь в поклоне матери. Она увлекает меня в аванзал, потом оттуда вверх по витым каменным лестницам на стену замка, где мы могли бы наблюдать за развернувшейся внизу суматохой: стоящие возле причалов корабли суетливо грузят оружием. Солдаты несут свое оружие и заводят по сходням лошадей. Я вижу Ворона, черного коня отца, на голову которого накинута капюшон, чтобы тот ступал по трапу спокойнее. Конь рвется и норовит гарцевать: ему не нравится деревянный звук и эхо от его копыт. Поведение Ворона только укрепляет меня в моих подозрениях: впереди – опасность.

– Он и правда это делает, – потрясенно говорю я. – Он и правда расправляет паруса, чтобы идти на Англию. А что же мать короля? Герцогиня Сесилия? Она же все знала. Она видела, как мы уезжали из Сандвича. Разве она не предупредит своего сына?

– Она все знает, – угрюмо подтвердила Изабелла. – И знала раньше, довольно давно. И мне теперь кажется, что об этом знают все, кроме короля... и нас с тобой. Герцогиня Сесилия ненавидела королеву с самого начала, как только впервые услышала, что Эдуард сочелся тайным браком. И сейчас она изменяет и королеве, и королю. Они все это спланировали еще несколько месяцев назад. Отец заплатил, чтобы на севере и в центре страны разгорелись мятежи. Моя свадьба должна была стать им сигналом для начала действий. Ты представляешь, он назвал им точную дату, когда я приму брачные узы, чтобы они могли рассчитать время. И теперь, когда все началось, это выглядит как самое настоящее восстание. Им удалось обмануть короля, он считает, что это местные вспышки недовольства, и он уже вышел из Лондона, чтобы усмирить то, что считает незначительными беспорядками. Когда отец высадится в Лондоне, короля там не будет. Он не знает, что моя свадьба на самом деле всего лишь сигнал для общего сбора. Он не знает, что гости, бывшие на моей свадьбе, теперь отплывают, чтобы выступить против него. Мой отец скрыл предательство под моей свадебной фатой.

– Ты говоришь о короле? Короле Эдуарде? – глупо переспрашиваю я, будто бы речь могла идти о нашем старом враге, спящем короле, который внезапно очнулся и встал с кровати в Тауэре.

– Конечно, о короле Эдуарде.

– Но папа же его любит!

– Любил, – поправляет она меня. – Мне утром Джордж все рассказал. Все перевернулось. Отец не может простить Эдуарду того, что тот поставил Риверсов превыше всех. Никому не заработать ни пенни, не получить куска земли, все должно доставаться только им, да и так уже досталось. В Англии ничего не решается без них. Без нее.

– Она же королева... – робко говорю я. – Самая прекрасная королева...

– Она не имеет права забирать себе все, – отрезает Изабелла.

– Но бросать вызов королю. – Я понижаю голос. – Разве это не предательство?

– Отец не будет бросать вызов прямо королю. Он потребует у него выдачи своих дурных советчиков. Ее семью, семью Риверсов. Он потребует, чтобы король восстановил в полномочиях добрых советчиков, то есть нас. Он вернет себе звание канцлера от дядюшки Джорджа Невилла. Он заставит короля советоваться с ним во всем. Отец снова будет определять ход и заключения союзов, и соглашений между государствами. Мы всё вернем на свои места, займем те места, которые по праву принадлежат нам, советникам и правителям государства за плечом короля. Но есть кое-что, чего я не знаю... – Ее голос дрожит, несмотря на звучные слова. Неожиданно я понимаю, что она потеряла самообладание. – Я не знаю...

Я наблюдаю за тем, как большую корабельную пушку медленно опускают на канатах на артиллерийскую палубу.

– Что? Чего ты не знаешь?

Ее лицо искажено ужасом, почти как вчера, когда мы оставили ее на супружеском ложе и она прошептала мне: «Анни, не уходи!»

– Что, если это все – простая уловка? – произносит она так тихо, что мне приходится приблизить к ней лицо почти вплотную, чтобы услышать. – Что, если это – просто уловка, трюк, с помощью которого они обманули спящего короля и злую королеву? Ты еще слишком маленькая, чтобы помнить, но ни отец короля Эдуарда, ни наш отец никогда не восставали против спящего короля. Против него вообще никто в открытую не восставал. Они только позволяли себе высказывания о необходимости более мудрых советов и советников. И все равно они подняли на него войска Англии, утверждая, что король должен лучше выбирать себе советчиков. Отец так всегда говорит.

– А потом, одержав над ним победу в битве...

– Они посадили его в Тауэр и сказали, что он останется там до конца своих дней, – заканчивает мысль она. – Они забрали у него корону, хотя всегда утверждали, что лишь хотели помочь ему в тяжком труде правления. Что, если отец и Джордж планируют сделать то же самое с королем Эдуардом? То, что отец и Эдуард сделали со спящим королем? Что, если отец изменил Эдуарду и собирается посадить его в Тауэр вместе с Генри?

Я вспоминаю прекрасную молодую королеву, так уверенно улыбающуюся на коронации, и представляю ее в заточении в Тауэре, проводящую последние дни взаперти вместо того, чтобы наслаждаться своей властью и танцевать до утра.

– Он не может этого сделать, он присягал в верности, – говорю я, не веря в происходящее. – Мы все присягали. Мы признали Эдуарда полноправным королем, помазанником Божиим. Мы целовали руку королевы. Мы соглашались с тем, что у Эдуарда больше прав на престол, чем у спящего короля. Мы называли его цветком дома Йорков и собирались все войти в благоухающие сады Англии. Мы танцевали на ее коронации, когда она была так красива и счастлива. Эдуард – король Англии, и другого быть просто не может. А она – его королева.

Изабелла нетерпеливо качает головой:

– Ты думаешь, все так просто? Ты и правда думаешь, что все обстоит именно так. Как тебе кажется? Мы приносили присягу, когда отец считал, что сможет править из-за спины короля Эдуарда. Что, если сейчас он думает, что ему удастся это сделать с помощью Джорджа? С моей и Джорджа помощью?

– Он посадит тебя на трон? – недоверчиво переспрашиваю я. – Ты наденешь ее корону? Займешь ее место? Не будешь ждать смерти Эдуарда? Просто возьмешь и заберешь у них все?

Она совсем не выглядит обрадованной и восторженной, как всякий раз, когда мы играли в эту игру в детстве. Она кажется потрясенной. Даже испуганной.

– Да.

Замок Кале

Лето, 1469 год

Молодой муж Изабеллы, Джордж, мой отец и все гости, собравшиеся на свадебное торжество, оказываются новой силой, присягнувшей на верность друг другу, готовой к нападению на Англию. Они выходят в море, высаживаются в Кенте и отправляются маршем в равнинные земли. Из городов к ним

присоединяются все новые люди, крестьяне бросают свои лопаты и устремляются вслед за армией моего отца. Его по-прежнему помнят здесь как лидера, освободившего Англию от проклятья спящего короля, любят как командира, удерживающего Ла-Манш и не подпускающего ни пиратов, ни французов к нашим берегам. Поэтому, когда он говорит, что всего лишь желает научить молодого короля тому, как следует править страной, и освободить его от губительного влияния его жены, недалёковидной и тоже злой, грозящей Англии проклятьями, если они допустят передачи всех полномочий в руки женщины-правителя, ему все верят.

Народ Англии научился ненавидеть злую королеву, Маргариту Анжуйскую. При первом упоминании об еще одной женщине, сильной и целеустремленной, которая злоупотребляла своим положением королевы, жены короля, пытаясь править вместо него королевством, они вспыхивали от оскорбления, нанесенного их мужской гордости. Мой дядюшка Джордж, чей пост лорда-канцлера был отобран у него королем и его женой, перехватывает короля на дороге, по которой тот направляется на воссоединение со своей армией, задерживает его и под охраной отправляет в наше имение, замок Уорик. Отец захватывает отца королевы и ее брата, когда те едут в Уэльс. Он направляет специальные войска в Графтон в графстве Нортгемптон и перехватывает мать королевы прямо в ее собственном доме. События следуют одно за другим слишком быстро, чтобы король успел отреагировать. Отец открывает успешную охоту на членов семейства Риверсов еще до того, как те осознают, что превратились в дичь. Так пришел конец власти короля, конец влиянию плохих королевских советчиков, конец семьи Риверсов. Из всей этой многочисленной семьи трое находятся в руках отца: отец королевы, ее мать и ее брат.

Постепенно, со все более нарастающим ужасом мы понимаем, что разворачивающиеся события – это не простая угроза нашего отца проучить упрямого правителя. Захваченные члены королевской семьи не были взяты ради получения выкупа – это было объявление войны Риверсам. Отец обвиняет отца самой королевы и ее миловидного младшего брата в измене и приказывает их казнить. Без всяких судебных разбирательств он перевозит их из Чепстоу в нашу цитадель, Ковентри, где предаёт их казни безо всяких шансов на прощение или смягчение приговора. Казнь проходит за пределами серых каменных стен. Красивый юноша, женатый на древней старухе, годящейся ему в бабки, расстаётся с жизнью слишком рано, и его голову за густые темные кудри высоко поднимает рука палача. Лорд Риверс кладет свою голову на плаху, покрытую кровью его собственного сына. Королева, сраженная горем, разлученная с мужем, в страхе перед грозящей ей судьбой, запирается со своими маленькими

дочерьми в лондонском Тауэре и посылает за матерью.

Но связаться с матерью ей не удастся. Мать королевы, та самая, которая специально усадила всех детей на коронации за отдельный стол, которая так по-доброму мне улыбалась, находится в руках моего отца в замке Уорик. Отец организовывает суд и свидетелей, которые дают против нее показания. Один за другим выходят они перед судом и рассказывают о горящем свете в ее окне по ночам, о том, как она что-то шептала над водами реки, протекавшей возле ее дома, о слухах, что она слышит голоса и что перед смертью кого-либо из членов ее семьи она видит знаки, по которым распознает надвигающуюся беду. Потом они обыскивают ее дом в Графтоне и привозят в качестве доказательств ее вины разные предметы для проведения ритуалов некромантии: две свинцовые фигурки, связанные вместе золотой нитью в ознаменование дьявольского союза. С очевидностью эти фигурки представляли собой прообразы короля и дочери Жакетты, Элизабет Вудвилл. Тайное венчание стало результатом колдовства, и причина безумного поведения короля с той самой минуты, как он увидел нортхэмптонскую вдовушку, тоже заключалась в возведении на него колдовского заклятья. Мать королевы оказалась ведьмой, которая и привела к этому браку с помощью колдовства, а сама королева была дочерью ведьмы, а значит, сама наполовину ведьмой. Разумеется, отец должен будет подчиниться явному наказу, данному в Библии: «Ворожеи не оставляй в живых», – и казнит ее, исполняя Божью волю и свой долг.

Он пишет обо всем этом матери в Кале, которая читает его письмо вслух ровным голосом, в то время как сидящие вокруг нее девушки забывают о своем шитье и от изумления широко открывают рты. Конечно, мне хочется, чтобы Ворон прошел победоносной рысью по всему королевству, но мне не приносит радости мысль о том, что милый юноша Джон был вынужден положить свою голову на плаху. Во время коронации он казался мне агнцем, ведомым на заклание, когда его заставили идти об руку с его престарелой невестой, а теперь он действительно ушел из жизни раньше своей дряхлой жены. Мой отец пошел против законов природы, равно как и законов короля. Мать королевы, Жакетта, так мило улыбавшаяся мне на вечере коронации, овдовела из-за палача моего отца. Я помню, как она входила в обеденный зал рука об руку со своим мужем, и они оба светились гордостью и радостью, подобно пламени свечи. Но мой отец убил ее мужа и сына. У королевы больше нет отца. Лишится ли она и матери? Неужели отец сожжет леди Риверс?

– Она – наш враг, – рассудительно говорит Изабелла. – Я знаю, что королева красива и казалась нам очень доброй, но ее семейство очень жадное и дает королю плохие советы, поэтому отец их уничтожит. Теперь они наши враги. Ты должна теперь думать о них как о наших врагах.

– Я так и думаю, – отвечаю я, но вижу ее в белом платье, с высокой прической, увитой кружевной вуалью, и понимаю, что не смогу считать ее своим врагом.

Большую часть лета мы пребываем в сильнейшем волнении, ожидая новостей, которые говорили о том, что Эдуард, бывший король, живет как гость поневоле в нашем замке Уорик, что отец раздает указы от его имени и что в результате его действий репутация Риверсов разрушена безвозвратно. Отец всем говорит, что собранные доказательства не оставляют сомнений в том, что королевский брак был заключен с помощью колдовства и что все это время король находился под действием сильнейшего заклятья. Отец его спас и охраняет его в своем замке и непременно убьет ведьму, чтобы освободить его от заклятья. Мать ждала известий в Кале, и мы оставались там же, где ожидали его, пока он вел одно победоносное сражение за другим, свергая спящего короля. Нам казалось, что мы снова переживаем те дни прошлого и наш отец так же непобедим. Теперь под его опекой находится второй король, и он посадит своего нового ставленника, марионетку, на трон. Французские слуги, которые приезжают к нам в город Кале, рассказывают, что французы называют отца создателем королей и утверждают, что никто не может занимать престол Англии без его позволения.

– Создатель королей, – мурлычет мать, словно пробуя слово на вкус. Она улыбается своим гранд-дамам, даже мне. – Господи, какие же глупые вещи иногда говорят эти люди! – наконец бросает она.

Затем к нам приходит корабль из Англии, и его капитан прибывает в замок, чтобы переговорить с матерью наедине. Чтобы поведать ей о новостях: весь Лондон гудит от слухов, что король Эдуард был уроден бастардом и что он был сыном не своего отца, а плодом греховной связи его матери с каким-то лучником. Эдуард никогда не был наследником дома Йорков, незаконнорожденный плебей и вообще никогда не должен даже помышлять о троне.

– Неужели люди действительно говорят, что леди Сесиль связалась с лучником? – громко спрашиваю я, в то время как одна из дам шепотом передает

другой последние сплетни. Мать короля, наша двоюродная бабушка, была одной из самых солидных дам нашего окружения, и только абсолютный глупец мог заподозрить ее в подобном поведении. – Герцогиня Сесиль? С лучником?

Одним резким яростным движением мать награждает меня оплеухой с такой силой, что моя прическа мигом сбивается набок, а украшения летят из нее в разные стороны.

– Прочь с глаз моих! – кричит она в гневе. – В следующий раз думай, что говоришь о старших! И чтобы подобных вещей я от тебя не слышала!

Мне пришлось ползать по полу, собирая рассыпавшиеся украшения.

– Миледи... – пытаюсь я попросить прощения.

– Немедленно иди в свою комнату! – обрывает она меня. – А затем отправляйся к святому отцу за епитимьей за сплетни.

Я торопливо покидаю комнату, сжав в руках свой эннен[б - Сложный женский головной убор на каркасе из китового уса, металла, накрахмаленного полотна. – Здесь и далее примечания редактора.] и украшения, и в нашей спальне обнаруживаю Изабеллу.

– Что случилось? – спрашивает она сразу, замечая на моей щеке красный след ладони.

– Мать, – коротко отвечаю я.

Изабелла достает из рукава свой носовой платочек, специально вышитый к ее свадьбе, и протягивает его мне, чтобы я могла утереть слезы.

– Держи, – мягко говорит она. – За что она дала тебе оплеуху? Иди сюда, я тебя причешу.

Я подавляю всхлипы и сажусь на сиденье перед маленьким серебряным зеркальцем, а Изабелла вытаскивает шпильки из моих волос и расчесывает спутавшиеся локоны гребнем из слоновой кости, подаренным ей молодым мужем

после их единственной брачной ночи.

– Что случилось?

– Я всего лишь сказала, что не могу поверить в то, что король Эдуард был навязанным королем отцу бастардом, прижитым герцогиней от кого-то другого, – осторожно отвечаю я. – И пусть меня хоть до смерти забьют за эти слова, я все равно не могу в это поверить. Наша двоюродная бабушка? Герцогиня Сесиль? Да кто посмел о ней сказать что-то подобное! Она такая замечательная, истинная леди. Кто станет так чернить ее имя? Разве за такое не режут языки? Как думаешь?

– Я думаю, что это ложь, – сухо отвечает она, сворачивая мои волосы в жгут и закалывая его шпильками. – И именно за это тебе сегодня досталась оплеуха. Мать сердится на то, что это – ложь, которую мы не можем оспорить. Мы не должны ее повторять, но и подвергать ее сомнению нам тоже не стоит. Эту ложь наши люди разнесут по всему Лондону и Кале тоже, и мы не должны с этим спорить.

Это объяснение приводит меня в полное замешательство.

– Но зачем нашим людям так говорить? Почему им нельзя запретить это делать, как мне? Зачем вообще кому-то говорить, что герцогиня Сесиль изменила своему мужу? Опозорила себя?

– Подумай сама, – советует мне сестра.

Я сосредоточенно разглядываю свое отражение в зеркальце: как отликает бронзой красиво уложенный Изабеллой жгут моих волос и как хмурится мое юное лицо. Изабелла терпеливо ждет, пока мой разум разберется в хитросплетениях интриг нашего отца.

– Это отец позволяет нашим слугам повторять эту ложь?

– Да, – отвечает она.

– Потому что, раз Эдуард становится незаконным наследником престола, его место займет Джордж, – наконец выдаю я.

– И станет истинным королем Англии, – дополняет она. – Все идет к тому, что Джордж займет трон, я сяду рядом с ним и отец будет править с нашей помощью вечно. Его называют создателем королей. Он сотворил Эдуарда, теперь он просто уничтожает свое творение, чтобы затем сотворить Джорджа.

В зеркале я вижу, что ее лицо мертвенно бледно.

– А я думала, что тебе хочется быть королевой, – робко говорю я. – И тебе приятно, что отец добудет для тебя трон.

– Когда мы были детьми и играли в королев, мы не знали, какую цену за это платят женщины в настоящей жизни. Но теперь знаем. Королева, предшественница Елизаветы, та самая злая королева, Маргарита Анжуйская, подобно нищенке, ползает на коленях, умоляя короля Франции о помощи, ее муж заключен в Тауэре, ее сын, принц, лишен земель. Нынешняя королева прячется в Тауэре, ее отец и брат сложили головы на плахе, как самые простые воры или разбойники, а ее мать ожидает смерти на костре из-за обвинения в колдовстве.

– Иззи, прошу тебя, не говори, что отец сожжет Жакетту Вудвилл! – шепчу я.

– Сожжет, – повторяет сестра с мрачным лицом. – А зачем еще было арестовывать ее и чинить над ней суд? Когда я хотела стать королевой, я думала, что все произойдет, как в одной из этих историй, как в легенде. Мне представлялись только красивые платья и благородные рыцари. Но теперь я вижу, что престол не знает жалости. Это шахматная партия, и я – одна из фигур на поле моего отца. Если мне суждено будет пасть под ударом, он даже не станет сожалеть обо мне, а просто заменит меня новой фигурой.

– Ты боишься? – шепчу я. – Ты боишься, что падешь под ударом?

– Да, – коротко отвечает она.

Англия

Осень, 1469 год

Отец держит Англию в кулаке. Торжествуя победу, он посылает за нами, чтобы мы могли разделить его ликование. Мать, Изабелла и я садимся на лучший корабль отцовского флота в Кале и прибываем в Лондон в положении дам нового королевского дома. Прежняя королева Елизавета прячется от всех в Тауэре, бывшего короля отец переводит в наш замок в Миддлеме и оставляет там под охраной. В отсутствие двора как такового мы неожиданно становимся его центром в Лондоне, как и во всем королевстве. Мою мать и мать короля, герцогиню Сесиль, везде видят вместе, и Изабелла всегда идет за ними следом: две самые знатные дамы общества и невеста, которая станет королевой после следующего заседания парламента.

Это наша победа: создатель королей низвел короля, который своим поведением вынудил его найти себе замену, и эта замена становится одновременно мужем его дочери. Мой отец решает, кто будет править Англией. Именно он коронует и низвергает королей. Изабелла беременна, она тоже выполняет указы отца, она тоже участвует в сотворении короля: она растит под сердцем короля Англии. Каждое утро возле статуи Пресвятой Богородицы мать возносит молитвы о том, чтобы у Изабеллы родился мальчик, который сможет принять титул принца Уэльского, а потом и трон. Мы – семья победителей, которую Всевышний благословил этим младенцем. Бывший король, Эдуард, сумел родить только трех дочерей, у него нет сына, нет наследника, пусть даже новорожденного, который бы только спал под присмотром кормилиц и смог бы помешать Джорджу занять трон. Его прекрасная королева, такая красивая и плодовитая, смогла принести ему только девочек. Но вот теперь мы входим в Англию как новая семья королевской крови, из которой происходит будущая молодая королева, и она уже носит ребенка под сердцем. Ребенка, зачатого в первую брачную ночь, единственную, которую новобрачные провели вместе! Это ли не благодать Всевышнего! Кто может усомниться, что нам предписано судьбой занять этот трон, а моему отцу – стать свидетелем того, как его внук родится наследным принцем, чтобы потом стать королем!

Отец отправляет нас в замок Уорик, и мы едем туда по сухим дорогам, по которым вокруг нас кружатся разноцветные листья, а деревья вокруг мерцанием золота на своих ветвях напоминают волшебную сокровищницу. За лето дороги высохли и затвердели, и позади нас поднимаются тучи пыли. Впереди нас едет Изабелла в небольшой карете, в которую впряжены белые мулы. Она не будет

жить в Лондоне вместе со своим победоносным мужем. Теперь им уже можно разлучаться, раз она уже понесла. Ей предстоит отдохнуть и готовиться к коронации. Отец созовет в Йорке парламент, который провозгласит Джорджа, первого герцога Кларенс, королем, а Изабелла станет королевой. В Лондоне будет устроена грандиозная коронация. Она возьмет в руки скипетр и возложит его на свой огромный живот, а коронационное платье ей сошьют специальным образом, чтобы подчеркнуть ее положение.

С севера к нам потянулись повозки, груженные сундуками из королевских платяных шкафов. Мы с Изабеллой, словно дети перед Рождеством, открываем их в самой богатой комнате замка и разбрасываем их содержимое по полу, любуясь золотыми кружевами и шитьем, инкрустированным драгоценными камнями, которые сверкали и переливались в свете факелов.

– Он все-таки это сделал, – едва дыша, говорит она, рассматривая сундуки с мехами, которые отправил ей отец. – Отец отобрал у нее все богатства. Это же ее меха. – Она прячет лицо в роскошные шкуры, чтобы неожиданно удивленно вскрикнуть: – Понюхай! Они все еще пахнут ее духами! Он забрал ее меха и заберет ее благовония. Он говорит, что мне будут принадлежать все ее меха из королевских гардеробных и что они пойдут на украшение моих платьев. Он пришлет мне ее украшения, парчу, шитые золотом платья, которые подошьют так, чтобы они были мне в пору. Он уже это делает!

– Неужели ты сомневалась в том, что будет именно так? – спрашиваю я, поглаживая пальцами кремовую шкурку горноста с темными пятнышками, меха, положенного только королям. Все накидки Изабеллы будут оторочены этим мехом. – Он победил короля Генри и держит его в заключении. Теперь он победил короля Эдуарда и посадил его под стражу. Я иногда представляю, как он верхом на Вороне едет по всей Европе и остановить его никому не под силу.

– Два короля в застенках, а один на троне? – спрашивает Изабелла, откладывая меха в сторону. – Но как такое может быть? Может ли третий король чувствовать себя в большей безопасности, чем предыдущие два? И что, если отец вдруг пойдет против Джорджа так, как он пошел против Эдуарда? Что, если планы отца не просто не принимают меня во внимание, но и предполагают пожертвовать мной? Что, если создатель королей захочет после Джорджа посадить на трон нового короля?

– Ему не к чему этого хотеть, и сейчас для него важна только ты и Джордж, а ты сейчас носишь под сердцем наследного принца, его внука, – уверенно отвечаю я. – Он сделал все это ради тебя, Изабелла. Он возведет тебя на трон и сохранит его за тобой, и тогда следующим королем будет Невилл. Если бы он сделал подобное ради меня, я была бы так счастлива! Если бы это было сделано ради меня, я была бы самой счастливой девушкой во всей Англии.

Но Изабеллу нельзя назвать счастливой. Ни я, ни мать не можем понять, почему она не торжествует. Мы думаем, что она утомлена беременностью, когда она перестает выходить на прогулки ясными холодными утрами и не находит радости в чистом осеннем воздухе. Она тревожится, в то время как все мы, ее верная семья, полны ликования, торжествуя от того, какого положения мы добились. Потом однажды во время ужина объявляют о прибытии конюшего моего отца, самого верного и надежного слуги в доме отца. Пока он идет по просторной зале, разговоры вокруг стола стихают, и все присутствующие в полном молчании наблюдают за тем, как он протягивает матери письмо. Она принимает его, не скрывая удивления от того, что тот позволил себе войти в этот зал грязным, в пыльной с дороги одежде, но его мрачное лицо не оставляет сомнений в важности принесенных им известий. Мать смотрит на печать на письме и узнает герб отца: медведя и копье, потом так же молча встает и уходит вверх по помосту в свою комнату.

Мы с Изабеллой и еще дюжиной придворных дам продолжаем обедать, стараясь сохранить спокойствие под пристальным наблюдением всех присутствующих в зале, но при первой же возможности встаем из-за стола, чтобы удалиться в приемную, находящуюся возле жилых комнат, и подождать новостей там. Мы изо всех сил изображаем непринужденную беседу, ни на секунду не забывая о запертой двери, ведущей в покои матери, и царящей там мертвящей тишине. Если это были известия о смерти отца, ведь мать бы наверняка плакала? Она вообще плачет? Я никогда не видела мать в слезах. Внезапно я замечаю, что всерьез задумалась о том, умеет ли моя мать плакать, потому что, сколько я ее помню, ее лицо всегда было суровым, а глаза сухими.

Если бы конюший отца привез матери письмо с требованием немедленно прибыть в Лондон для коронации Иззи, неужели бы она не распахнула двери, чтобы поделиться с нами этим радостным известием? А умеет ли она восклицать от радости? Я никогда не видела ее ликующей. Красные лучи полуденного солнца медленно скользят по завешенным шпалерами стенам, выделяя на них одну за другой затейливые сцены, а из ее комнаты по-прежнему не доносится ни

звука.

Наконец, вечером, уже когда стало темнеть и слуги начали зажигать свечи, дверь в комнату матери открылась, и она вышла, по-прежнему сжимая письмо в руке.

– Позовите капитана замка, – приказывает она одной из своих дам, – и начальника личной стражи. Передайте то же распоряжение сенешалю милорда, камердинеру и его конюшему.

Она садится во внушительное кресло под вышитым гербами благородных фамилий пологом и ждет прибытия вызванных ею людей, которые входят через двойные двери, кланяются ей и останавливаются в ожидании поручений. Произошло что-то явно очень важное, но по холодному выражению ее лица невозможно определить, что это было, триумф или поражение.

– Спроси ее, – тихо просит Изабелла.

– Сама спроси, – отвечаю я.

Мы стоим вместе с остальными фрейлинами. Мать сидит в кресле, как королева на троне. И что странно, она не приказывает принести стул для Изабеллы. Нам начинает казаться, что ребенок Изабеллы перестал быть самым значимым ожидаемым младенцем, а она сама – будущей королевой. Мы стоим и ждем, пока пришедшие по ее зову мужчины не выстроятся перед ней в ожидании приказов.

– У меня есть послание для вас от вашего господина, милорда, – говорит она жестким ясным голосом. – Он пишет, что вернул трон королю Англии Эдуарду. Мой муж, ваш лорд, заключил договор с королем Эдуардом, и в будущем он примет руководство и назидания от старейшин королевства, и в рядах советников больше не будет новых людей.

В ответ ей никто не проронил ни слова. Перед ней стояли люди, годами верою и правдой служившие отцу, делившие с ним победы и поражения, и они были вылеплены не из того теста, чтобы дрогнуть перед лицом плохих известий. Но дамы не выдержали, они закачали головами и зашептались. Кто-то из них кивнул в сторону Изабеллы, словно жалея о том, что она не станет королевой Англии и что больше не имеет оснований считать себя привилегированной

особой. Мать же даже не смотрит в нашу сторону, ее взгляд сосредоточен на стене над нашими головами. За все это время ее голос ни разу не дрогнул.

– Мы отправляемся в Лондон, чтобы засвидетельствовать свое расположение и верность королю Эдуарду и его семье, – продолжает она. – Моя дочь, герцогиня, встретится со своим мужем, Джорджем, герцогом Кларенс. Леди Анна, разумеется, будет в моей свите. И милорд мой муж шлет нам еще одну добрую весть: наш племянник Джон будет обручен с дочерью короля, принцессой Елизаветой Йоркской.

Я быстро бросаю взгляд на Изабеллу. Это известие вовсе не было хорошим, как раз напротив, ужасным. Как и боялась Изабелла, отец решил воспользоваться другой пешкой, а ее отставил в сторону. Он заключает брак между племянником и королевским домом, с королевской наследницей, малюткой принцессой Елизаветой. Отец посадил на трон Невилла, и сейчас он выбрал именно такой способ. Изабелла стала запасным, самым выгодным планом. Изабелла прикусила нижнюю губу. Я тянусь к ней и, скрытая широкой юбкой ее платья, беру ее за руку.

– Нашему племяннику будет даровано герцогство, – спокойно продолжает мать. – Он станет герцогом Бедфорд. Это честь, оказанная нам королем, и жест доброй воли по отношению к нашему племяннику, наследнику моего мужа. И доказательство дружеского расположения к нам короля, и выражение его благодарности за нашу заботу о нем и поддержку. Это все. Боже, храни короля и благослови дом Уориков.

– Боже, храни короля и благослови дом Уориков! – повторяют все присутствовавшие, будто эти два противоречащие друг другу пожелания можно было уместить в одной фразе.

Мать поднимается с кресла и кивает Изабелле и мне, чтобы мы следовали за ней. Я следую за Изабеллой, оказывая ей почести, достойные герцогине королевской семьи, но не королеве. В одно мгновение она потеряла свои права на трон. Ну и что, что ты герцогиня, если наш кузен Джон женится на наследнице дома Йорков, дочери короля? Кузен Джон станет герцогом, так король дает своему брату знать, что он может с легкостью создать новых герцогов и сделать их частью своей семьи. А на поле отца появились новые пешки.

– Что мы будем делать в Лондоне? – шепчу я Изабелле, наклоняясь вперед, чтобы расправить ее вуаль.

– Наверное, продемонстрировать дружеское расположение, – отвечает она. – Отдадим королеве ее меха, вернем коронационное платье обратно в королевский гардероб. Надеюсь, что отец доволен тем, что женит племянника на принцессе, и больше не поднимет оружие против короля.

– Ты не станешь королевой, – с горечью говорю я. К своему стыду, я ощущаю тайную радость от того, что Изабелла не будет носить соболей и не станет первой леди королевства, королевой Англии и любимицей отца, дочерью, исполняющей его самые горделивые помыслы, пешкой, наносящей удар, приносящий победу.

– Нет, пока нет.

Вестминстерский дворец, Лондон

Рождество, 1469–1470 годы

И снова мы с Изабеллой входим в покои королевы, полные дурных предчувствий. Королева восседает в своем церемониальном кресле, ее мать, Жакетта, стоит подле нее как ледяная скульптура. Наша мать идет следом за Изабеллой, но впереди меня, и мне изо всех сил хочется снова стать маленькой, чтобы спрятаться за их юбками и пройти незамеченной. Сегодня меня никто не сочтет очаровательной. Изабелла, несмотря на то что замужем за братом короля, опускает голову и не поднимает глаз, как провинившийся ребенок, страстно желающий, чтобы это испытание уже закончилось.

Мать опускается в точно выверенном поклоне, полагаящемся при приветствии царственной особы, затем подходит к королеве Англии и застывает перед ней, сомкнув руки, она так же спокойна, словно находится в собственном замке Уорик. Королева не сводит с нее ледяного взгляда серых глаз.

– О, графиня Уорик, – произносит она холодным, словно снежное утро, голосом.

– Ваше Величество, – отвечает мать сквозь сжатые зубы.

Мать королевы, одетая во все белое, цвет скорби, принятый в ее семье, с застывшим лицом смотрит на всех нас троих так, словно готова уничтожить нас прямо на этом месте. Я нахожу в себе силы бросить только быстрый взгляд на нее перед тем, как снова опустить свои глаза к полу. Она улыбалась мне на празднике, посвященном коронации, а теперь кажется, что улыбка навсегда покинула ее лицо. Я никогда раньше не видела, как горе отпечатывается на женских лицах, но незамедлительно узнаю его в помертвевшей красоте Жакетты Вудвилл. Мать склоняет голову.

– Ваше Величество, соболезную вашей утрате, – тихо говорит она.

Вдова в ответ не произносит ни слова. Мы стоим, словно скованные ее яростным взглядом. Я жду, что она как-то ответит, произнесет что-то похожее на «неизбежные потери войны», или «благодарю за соболезнования», или «они сейчас в лучшем из миров», или что-нибудь в духе тех слов, которым вдовы отвечают на соболезнования об утрате. Англию раздирают войны вот уже четырнадцать лет. За это время мужа многих женщин стали непримиримыми врагами. Мы все хорошо знали о том, как заключались союзы, но, кажется, Жакетта, вдова Ричарда Вудвилла, лорда Риверса, не знала условий этой игры, потому что она не проронила ни слова, чтобы облегчить нам эту непростую встречу. Она смотрела на нас, как на своих смертельных врагов, будто бы проклиная нас леденящим молчанием, провозглашая начало кровной вражды, которая окончится только с последним ударом ее сердца, и под этим полным лютой ненависти взглядом я начинаю дрожать. Я пытаюсь сглотнуть и не упасть в обморок.

– Ваш муж был храбрым человеком, – делает еще одну попытку мать, но на фоне этого искаженного мукой лица ее слова звучат фальшиво.

Наконец вдова решает разомкнуть уста.

– Он принял позорную смерть от рук предателя, будучи обезглавленным кузнецом из Ковентри. Мой возлюбленный сын Джон тоже умер, – произносит мать королевы. – Ни один из них за всю свою жизнь не был причастен к каким-либо преступлениям. Джону было всего двадцать четыре, и он всегда был верен и послушен отцу и королю. Мой муж защищал своего коронованного и

рукоположенного короля, но был казнен по обвинению в измене, убит вашим мужем. И его смерть не была почетной на поле брани. Он бывал в дюжине битв и всегда возвращался ко мне домой невредимым. Он поклялся мне, что всегда будет возвращаться ко мне с поля боя живым и невредимым. И он своей клятвы не нарушил. Благослови его Господь за то, что он был верен ей. Он принял смерть на плахе, а не в сражении. Я никогда этого не забуду. И никогда этого не прощу.

После этих слов повисает тяжелая тишина. Все в комнате смотрят на нас и слушают, как мать королевы объявляет нас своими врагами. Я поднимаю глаза и натываюсь на ледяную ярость ее взгляда, вся ненависть которого направлена на меня. Я снова опускаю взгляд.

– Это превратности войны, – неловко говорит мать, словно пытаюсь найти нам оправдание.

И тогда Жакетта делает что-то странное и жуткое. Она складывает губы и издает пронзительный длительный свист. Где-то снаружи хлопает ставня, и в комнату врывается холодный порыв ветра. Огонь свечей вдруг замерцал так, словно их чуть не загасило внезапное дуновение, а одна свеча подле Изабеллы мигает и гаснет окончательно. Сестра тихо вскрикивает от испуга. Жакетта и ее дочь смотрят на нас так, словно собираются свистом наложить на нас проклятье, смести нас с пути, словно пылинки.

Наша несгибаемая мать как-то съеживается перед таким необъяснимым явлением. Я никогда раньше не видела, чтобы она не принимала брошенного вызова, но сейчас она решает спастись бегством. Она опускает голову и идет к эркеру. Никто ее не приветствует, никто не решается прервать тишину, повисшую в комнате после того странного свиста, никто даже не смеет улыбнуться. Среди тех, кто, казалось, видел нас впервые в жизни, были и гости на свадьбе Изабеллы, свидетели и участники тех страшных событий. Мы стоим опозоренные, одинокие, а в воздухе над нами затихает эхо странного свиста Жакетты.

Открывается дверь, и в зал входит король. С одной стороны от него – мой отец, Джордж, его брат, – по другую, а Ричард, самый молодой из семейства Йорков, с высоко поднятой темноволосой головой идет следом за королем. У него есть все причины гордиться собой: именно он был братом, который не предал короля, верность которому была испытана, но не дрогнула. Именно на него прольется

дождь королевских милостей, в то время как мы попадем в опалу. Я смотрю на него с надеждой, что он узнает нас и улыбнется мне, но, кажется, я стала для него невидимкой, как, впрочем, и для всего остального двора. Ричард превратился в мужчину, и детство, проведенное в нашем доме, осталось далеко позади. Он был верен королю, в то время как мы эту верность не сохранили.

Джордж медленно подходит к своему закутку, стараясь не смотреть в нашу сторону, будто бы стыдясь связи с нами, и отец следует за ним своим обычным размашистым шагом. Уверенность отца осталось неколебимой, его улыбка по-прежнему смела и открыта, карие глаза сияли торжеством, борода так же аккуратно подстрижена, и поражение, которое он потерпел, никак не отразилось на этом человеке. Мы с Изабеллой преклоняем колени в ожидании отцовских благословений и чувствуем, как его руки легко коснулись наших голов. Когда мы поднимаемся из поклона, он уже держит мать за руку, а она очень робко улыбается ему, и мы все отправляемся на обед, идя следом за королем, словно мы по-прежнему его ближайšie друзья и соратниками, а не потерпевшие поражение предатели.

После обеда был бал, и король был весел, красив и лучезарен, как всегда, как главный актер на маскараде, играющий роль доброго короля-весельчака. Он хлопает отца по спине, обнимает его и брата Джорджа за плечи. Он-то уж сыграет свою роль так, будто ничего не произошло. Отец, не менее хитрый, чем его бывший союзник, тоже ведет себя вполне свободно, рассматривая придворных, приветствуя друзей, которые прекрасно знают о нашем предательстве, как и о том, что мы обязаны своим присутствием здесь доброй воле короля и тому скромному факту, что нам принадлежит половина Англии. Они прикрывают ладонями ухмылки, смотря в нашу сторону, и я слышу смех в их голосах. Мне не нужно смотреть на них, чтобы видеть, как они обмениваются улыбками, я предпочитаю не поднимать глаза от пола. Мне так стыдно. Как же мне стыдно из-за того, что мы сделали! И что хуже всего – мы потерпели поражение. Мы схватили короля, но не смогли его удержать. Мы выиграли главную битву, но мы не нашли ни у кого поддержки. Мало было того, что отец просто держал короля в замке Уорик, в Мидлхэме, откуда тот правил как обычно и получал все почести, причитающиеся почетному гостю, чтобы при первом желании просто оттуда уехать.

– Изабелла должна присоединиться к свите королевы, – раздается громкий голос короля, и отец отвечает немедленно:

– Да-да, разумеется. Она сочтет это за честь.

Эти слова доносятся до Изабеллы и королевы, и обе поднимают головы и встречаются взглядом. Изабелла выглядит крайне испуганной, ее губы приоткрываются, словно она собирается попросить отца передумать. Однако те дни, когда мы могли позволить себе заявить, что мы слишком хороши, чтобы служить короне, уже давно позади. Изабелле придется жить в покоях королевы и прислуживать ей ежедневно. Королева презрительно отворачивается, как будто не может больше нас видеть, будто мы представляем собой что-то грязное и постыдное, словно мы прокаженные. Отец же на нас вообще не смотрит.

– Поехали со мной, – возбужденно шепчет мне Изабелла. – Если мне придется ей служить, ты просто должна со мной поехать. Давай же поедem и вместе будем жить в ее покоях, Анни. Клянусь, я одна там не выдержу.

– Отец меня не отпустит, – быстро отвечаю я. – Помнишь, как мать не пустила нас прошлый раз? Тебе придется поехать, потому что ты замужем за братом короля, но мне туда нельзя, мать меня не отпустит, а я не смогу...

– И леди Анна тоже, – легко продолжил король.

– Разумеется, – тут же согласился отец. – Как пожелает ее величество.

Вестминстерский дворец, Лондон

Январь, 1470 год

Королева ни разу не позволила себе грубости по отношению к нам, все обстоит гораздо хуже. Ее мать совсем с нами не разговаривает, и, если ей случается проходить мимо нас по галерее или залу, она идет как можно дальше от нас, почти прижимаясь к стене, словно не допуская мысли о том, чтобы коснуться нас краем своей юбки. Если бы кто-то другой отходил в сторону при моем появлении, я сочла бы этот жест проявлением уважения, в котором мне уступают дорогу. Но когда это делает герцогиня, быстро отстраняясь и даже не удостоив меня взглядом, я чувствую себя грязью, о которую она не желает марать свое платье, словно к моей обуви или нижним юбкам прилипло что-то нестерпимо смердящее.

Мы видимся с матерью только за ужином и по вечерам, когда она сидит с другими фрейлинами, окруженная отнюдь не дружеским молчанием, в то время как они ведут между собой приятную беседу. Все остальное время мы прислуживаем королеве, помогая ей одеться по утрам, сопровождая ее в детскую, когда она навещает трех своих маленьких дочерей, преклоняем колени позади нее в часовне, сидим возле нее на завтраке, выезжаем с ней в уголья, когда она желает поохотиться. Мы постоянно находимся рядом с ней, но она ни словом, ни жестом, ни взглядом не отмечает нашего присутствия.

По правилам старшинства мы часто должны ходить непосредственно за ней, и тогда она ведет себя так, будто не видит нас, обращаясь к другим дамам поверх наших голов. Если, кроме нас, рядом с ней никого нет, она делает вид, что совершенно одна. Когда мы несем ее шлейф, она идет быстро, словно позади никого нет, и мы должны прикладывать все усилия, чтобы поспеть за ней, выглядя при этом до крайности глупо. Передавая нам перчатки, она даже не смотрит в нашу сторону, не заботясь о том, готовы ли мы их принять или нет. Когда я роняю одну из них, она даже не снисходит до того, чтобы это заметить, будто бы предпочитая оставить драгоценную надушенную и украшенную богатой вышивкой перчатку лежать в грязи тому, чтобы попросить ее поднять. Когда мне приходится ей что-то передавать, например книгу или прошение, она принимает это у меня так, словно предмет сам необъяснимым образом возник из воздуха. Если я передаю ей букетик цветов или носовой платок, она берет их у меня из рук так, чтобы ни в коем случае не коснуться моих пальцев. Она никогда не просила нас подать ей молитвенник или четки, и я не смею сама предложить их поднести, страшась, что она сочтет, что я осквернила их своими окровавленными руками.

Изабелла теперь постоянно бледна и угрюма и все время молчит, даже если сидящие вокруг нее дамы весело щебечут. Чем сильнее становится заметен живот Изабеллы, тем меньше поручений дает ей королева, но причина такой деликатности состоит вовсе не в заботе или сострадании к ней. Однажды в презрительном полуобороте к нам она заявляет, что Изабелла больше не в состоянии ей услужить и вовсе не годится на роль фрейлины, как и на любую другую: она только и может, что рожать потомство, подобно свинье. Изабелла так и остается сидеть, прикрывая руками выдающийся вперед живот, словно пытаюсь его спрятать, укрыть от недоброго взгляда королевы.

Но я все равно не могу относиться к королеве как к врагу, потому что не могу избавиться от впечатления, что она права, а мы не правы и что ее явное

пренебрежение нами было заслуженным благодаря действиям нашего отца. Я не могу на нее сердиться, мне слишком стыдно. Когда я вижу, как она улыбается дочерям или смеется с мужем, я вспоминаю, как впервые увидела ее и как она показалась мне самой красивой женщиной на свете. Она по-прежнему кажется мне самой красивой женщиной на свете, только вот я больше не восторженная маленькая девочка. Теперь я дочь ее врага и убийцы ее отца и родного брата. Я глубоко, искренне сожалею о том, что случилось, но сказать ей об этом не могу, да и она мне ясно дает понять, что не станет меня слушать.

После месяца такого существования я понимаю, что не могу есть за одним столом с остальными дамами, потому что еда встает мне поперек горла. Я не могу спать по ночам и никак не могу согреться в продуваемой свистящими сквозняками спальне. У меня дрожат руки, когда мне приходится что-то передавать королеве, а мои вышивки и вовсе безнадежны, а льняная канва сплошь покрыта пятнами крови от того, что я постоянно колю иглой пальцы. Я спрашиваю мать, не могу ли я вернуться в Уорик или хотя бы в Кале. Я рассказываю, что чувствую себя больной и жизнь здесь, при дворе, в окружении врагов, лишь делает это состояние еще тяжелее.

– Не смей жаловаться, – одергивает она меня. – Я сижу возле ее матери за обеденным столом, и каждый раз у меня все внутри покрывается льдом от злого колдовства этой ведьмы. Твой отец рискнул всем и проиграл. Он не смог держать короля узником в своей собственной крепости, потому что его не поддержал бы никто из лордов, а без их поддержки ничего было нельзя сделать. Нам еще повезло, что король не приказал его казнить, вместо этого поместив нас в очень хорошее место: в свой дворец, признав брак твоей сестры с его братом и помолвку твоего кузена Джона с дочерью короля. Мы близки к трону и можем стать еще ближе. Служи королеве и будь благодарна ей за то, что твой отец не окончил свои дни на плахе, как ее отец, и надейся, что он найдет для тебя хорошего мужа, а королева одобрит его выбор.

– Я не могу, – слабо возражаю я. – Правда, миледи мать, не могу. Дело не в том, что я не хочу или что осмелюсь ослушаться вашего приказа или веления отца, но я просто не могу этого делать. У меня подгибаются колени, не давая мне идти следом за ней. Я не могу есть, когда она смотрит на меня.

И тогда мать поворачивается ко мне своим каменно-неподвижным лицом.

– Ты производишь из знатной семьи, – напоминает мне она. – Твой отец пошел на огромный риск ради благополучия этой семьи и ради блага твоей сестры. Изабелле очень повезло, что он счел ее достойной таких усилий. Сейчас мы можем находиться в несколько стесненных обстоятельствах, но это не навсегда. Ты должна показать отцу, что ты тоже стоишь того, чтобы ради тебя предпринимались усилия. Ты должна будешь дорасти до своего призвания, Анна, сейчас тебе нельзя быть слабой или больной. Ты была рождена, чтобы стать великой женщиной, девочка, – так стань же ею.

Она видит, что я бледна и дрожу.

– Да взбодрись же! – резко произносит она. – Мы отвезем в замок Уорик твою сестру, чтобы она могла там родить. Там нам всем будет легче, и мы сможем отдохнуть от двора по меньшей мере четыре месяца. Здесь никому из нас нет радости, Анна. Мне сейчас так же тяжело, как и тебе, и я постараюсь оставаться с тобой в замке Уорик столько, сколько смогу.

Замок Уорик

Март, 1470 год

Мне казалось, что мы должны ощущать облегчение с каждой милей, которая отдаляла нас от двора, но через пару недель после того, как мы приехали в замок, отец прислал своего камердинера с известием о том, что он желает видеть своих дочерей у себя в кабинете. Когда мы входим в кабинет отца, Изабелла тяжело опирается о мою руку, второй придерживая свой увеличившийся живот, словно напоминая всем, кто мог по случайности забыть, что она носит под сердцем дитя наследника короля Англии, рождение которого ожидается вот уже в следующем месяце.

Отец сидит в своем резном кресле, высокое изголовье которого украшает золоченый барельеф с изображением фамильного герба, медведя и копья. Когда мы входим, он поднимает голову и указывает на меня своим пером для письма:

– А, ты мне не нужна.

– Отец?

– Отойди в сторонку.

Изабелла быстро отпускает меня и выпрямляется почти без усилий, и я отхожу назад, в глубь комнаты, и становлюсь возле стены, касаясь убранными за спину руками складок ткани, которая прикрывает декоративные панели. Мне остается только ждать, пока меня не позовут присоединиться к разговору.

– Я открою тебе секрет, Изабелла, – тем временем говорил отец. – Твой муж, герцог, и я собираемся присоединиться к королю Эдуарду в его походе во усмирении бунта в Линкольншире. Мы отправимся к нему, чтобы продемонстрировать свою преданность.

Изабелла что-то произносит в ответ. Я не слышу, что она говорит, и, конечно же, это не имеет ни малейшего значения, равно как и мое мнение: так решили мужчины, и так все и будет, независимо от чьего-либо мнения.

– Когда король выстроит своих людей на поле сражения, мы нападём на него, – прямо заявил отец. – Если он поставит нас позади себя, мы нападём на него сзади. Если он отправит Джорджа в одно крыло, а меня во второе, мы помчимся навстречу и нападём с двух сторон. Наши силы превосходят силы короля, и в этот раз мы пленных братьев не станем. В этот раз я не стану проявлять милость и искать с ним компромисса. Король не переживет этой битвы. Все будет кончено на поле боя. Он уже покойник. Я убью его собственным мечом или даже собственными руками, если до этого дойдет.

Я закрываю глаза. Это самое худшее из того, что могло произойти. До меня доносится приглушенное восклицание Изабеллы:

– Отец!

– Он не король, борющийся за интересы Англии, он радеет только за интересы Риверсов, – продолжает он. – Он под каблуком у своей жены. Мы рисковали своими жизнями не для того, чтобы отдать власть Риверсам и посадить их ребенка на трон. Я не для того бросал к его ногам свою удачу и свою жизнь, чтобы смотреть, как эта королева кутается в не принадлежащие ей шелка и бархат, отороченные принадлежащими тебе горностаями. – Скрипит кресло, и

отец встает на ноги, отталкивает его от себя и обходит стол, направляясь к Изабелле. Не обращая внимания на выпирающий живот, Изабелла преклоняет перед ним колени. – Я делаю это ради тебя, – тихо говорит он. – Я сделаю тебя королевой Англии, и если ребенок, которого ты носишь под сердцем, окажется сыном, то он станет наследником престола, королевским принцем и будущим королем.

– Я буду молиться за тебя, – произносит Изабелла почти беззвучно. – И за моего мужа.

– Ты сделаешь так, что моя кровь и мое имя воцарятся на престоле, – удовлетворенно заявляет отец. – Эдуард превратился в ленивого глупца. Он доверяет нам, а мы его предадим, и он падет на поле боя, как и его отец, тоже глупец. Ну же, дитя, встань! – Он берет ее под руки и резко поднимает, затем кивает мне и говорит: – Береги сестру. В ее чреве – надежда всей нашей семьи. Возможно, она носит под сердцем будущего короля Англии. – Он расцеловывает Изабеллу в обе щеки. – В следующий раз, когда мы встретимся, ты будешь уже королевой Англии, и я преклоню перед тобой колени, – смеется он. – Только подумай: я преклоню перед тобой колени, Изабелла!

Весь наш дом отправляется в часовню помолиться о победе для отца. Все думают, что он отправляется в бой против повстанцев на стороне короля, и молятся, не понимая той опасности, в которой он сейчас находится, как рискует, бросая вызов королю Англии в его собственном королевстве. Но отец хорошо подготовился: весь Линкольншир превратился в один большой повстанческий лагерь, а один из его людей заронил в людских умах недовольство неразумным правлением короля и тем, что он внемлет дурным советчикам. У Джорджа уже есть собственная армия, которая присягнула ему и пойдет за ним следом, что бы он ни задумал. Однако фортуна – особа переменчивая, а Эдуард всегда был прекрасным тактиком. Мы днем и ночью молимся о том, чтобы отцу сопутствовала удача, и терпеливо ждем новостей.

Мы с Изабеллой пребываем в ее покоях. Изабелла отдыхает на постели, жалуясь на боль в животе.

– Боль какая-то тянущая, – жалуется она. – Как будто я объелась.

- Так, может быть, ты и объелась, - отвечаю я, не проявив должного сочувствия.

В ответ она корчит рожицу.

- У меня срок уже почти восемь месяцев, - грустно возражает она. - И если бы отец не ушел в поход, то мне уже на следующей неделе надо было бы начинать готовиться к родам. Мне казалось, что моя родная сестра могла быть ко мне чуть добрее.

Я стискиваю зубы.

- Да, - говорю я, - прости меня. Сейчас я позову прислугу. Мне сказать матери, что тебе нехорошо?

- Нет, - отвечает она. - Не стоит. Скорее всего, я и правда переела. У меня в животе совсем не осталось места, и всякий раз, когда ребенок двигается, мне тяжело дышать. - Вдруг она поворачивает голову: - А что там за шум?

Я иду к окну и вижу, как по дороге, ведущей к замку, идет группа людей, не выдерживая построение, сбиваясь с ноги, словно это не мощная военная сила, а толпа измученных дорогой странников. Впереди них медленно ехали всадники на лошадях. В одном из коней, с глубокой кровоточащей раной на плече, я узнаю Ворона, коня отца.

- Это отец возвращается домой, - говорю я.

Изабелла в то же мгновение выскакивает из кровати и бежит по каменным ступеням в холл, распахивая двери, в то время как все слуги замка выбегают во двор, чтобы приветствовать возвращающуюся армию.

Отец въезжает во главе своей армии, и, как только они все оказываются под защитой каменных стен, подъемный мост издает скрип и опускается вместе с решеткой. Тогда отец вместе с мужем своей дочери, красавцем герцогом, спешиваются со своих усталых лошадей. Изабелла тут же тяжело опирается на мое плечо и кладет свою руку на живот, превращаясь в воплощение материнства. Но мне не до мыслей о том, как мы с ней выглядим: я всматривалась в лица вернувшихся воинов. Одного взгляда на них достаточно,

чтобы понять: они вернулись не с победой. Сзади к нам подходит мать, и я, услышав ее тихое восклицание, понимаю, что она тоже заметила истощение нашего войска и отражение поражения на их лицах. Отец мрачен, Джордж бледен и глубоко несчастен. Мать принимает случившееся, и на глазах ее спина выпрямляется, и она идет приветствовать отца, легко касаясь губами его щек. Изабелла приветствует своего мужа тем же образом. Мне же остается опуститься в глубоком поклоне, чтобы, поднявшись, последовать за всеми ними в зал, где отец поднимется на помост. Придворные дамы уже выстроились в ряд и присели в поклоне, когда отец проходит мимо них. Приближенные к семье люди последовали за нами в зал, чтобы тоже услышать новости. За ними шли слуги и охрана замка, потом те воины, которых выбрали для того, чтобы те сначала выслушали известия, и только затем шли отдыхать. Отец говорит громко, чтобы слышно было всем.

– Мы выехали, чтобы оказать поддержку нашим родственникам, лорду Ричарду и сэру Роберту Уэллесу, – начал он. – Они, как и я, считают, что король попал под влияние чар, наложенных королевой и ее семьей, и что он отступил от данных мне ранее обещаний и тем самым лишил себя права на трон Англии.

В зале раздается ропот одобрения, потому что все присутствующие здесь возмущены властью, которую обрело семейство Риверс. Джордж поднимается на помост, чтобы встать рядом с отцом, словно желая напомнить, что он – достойный престолонаследник и желанная замена утратившему доверие народа королю.

– Лорд Ричард Уэллес мертв, – бесстрастным, без эмоций, голосом продолжает отец. – Этот лжекороль взял его в святилище. Он повторяет ужасные преступления, сотворенные в нарушение закона Божьего и человеческого. Он взял его в святилище и пригрозил смертной казнью. Когда сын лорда Ричарда сэр Роберт занял свое место в готовящейся битве, этот лжекороль умертвил лорда Уэллеса еще до начала битвы прямо там, на поле боя, безо всякого суда.

Джордж кивает с мрачным видом и по-прежнему бледным лицом. Нарушение неприкосновенности святилища было равносильно покушению на защиту и власть церкви, осквернению власти самого Господа. Человек, тянущийся к алтарю Господню, должен верить в то, что там он в безопасности. Даже Господь берет любого преступника под свою защиту, если тот пребывает под сенью его святилища. Если король не признает неприкосновенности святилища, то он ставит себя выше самого Бога, а значит, что он – еретик и богохульник и в

скором времени его настигнет карающая длань Господня.

– Мы проиграли, – торжественно произносит отец. – Армия, стоявшая под началом Уэллесов, была захвачена Эдуардом. Нам пришлось отступить.

Я почувствовала, как моих пальцев коснулась холодная рука Изабеллы.

– Мы проиграли? – спросила она, не веря своим словам.

– Мы отступим к Кале и перегруппируемся, – продолжает отец. – Это отступление, но еще не поражение. Сегодня мы отдохнем, а завтра упакуем все необходимое и выступим. Однако пусть никто не заблуждается: сейчас идет война между мной и королем Эдуардом. Истинным наследником трона Англии является Джордж из дома Йорков, и я прослежу за тем, чтобы он занял трон, причитающийся ему по праву.

– Джордж! – восклицают находившиеся в зале мужчины, вскидывая вверх кулаки.

– Храни Господь короля Джорджа! – кричит им отец.

– Король Джордж! – отзываются они, и я понимаю, что они готовы принять и присягнуть кому и чему угодно, если это велит им отец.

– Уорик! – Отец издает свой боевой клич, и они подхватывают его дикими голосами:

– Уорик!

Дартмут, графство Девон

Апрель, 1470 год

Мы движемся со скоростью мулов, влекущих повозку Изабеллы. По распоряжению отца за нашей отступающей армией следуют разведчики,

которые докладывают, что Эдуард не стал нас преследовать, изгоняя из своего королевства. Отец говорит, что Эдуард – ленивый глупец и что он поторопился в теплую постель своей жены в Лондон. Мы не торопясь доезжаем до Дармута, где нас ожидает корабль отца. Мы с Изабеллой стоим на пристани, наблюдая за тем, как на корабль грузятся повозки и лошади. Морская гладь так спокойна, что кажется простым озером. День слишком жаркий для апреля, в небе парят и кричат чайки, а в воздухе царит приятный запах соли, водорослей и дегтя. Мне легко было представить, что сейчас лето и мы собираемся в увеселительное путешествие, которое приготовил для нас отец.

Последним по трапу поднимается Ворон, боевой жеребец отца. На его голову был надет холщевый мешок, чтобы конь не видел ни трапа, ни воды под ним, но он все равно понимает, что его ведут на корабль. Не один раз он уже переплывал с отцом моря и уже дважды возил его в боевые походы на Англию. Он – настоящий ветеран, но сейчас ведет себя как нервный жеребенок, упирающийся, пятящийся от трапа, встающий на дыбы так, что держащие его люди бросаются врассыпную, чтобы не попасть под молотящие по воздуху копыта, пока кто-то не накидывает на него лассо и не лишает возможности сопротивляться.

– Мне страшно, – говорит Изабелла. – Я не хочу никуда плыть.

– Иззи, море сейчас спокойно, словно запруда. Мы легко доплывем прямо до дома.

– А Ворон точно знает, что здесь что-то не так.

– Ничего он не знает. Он никогда никого не слушался. Да к тому же его все равно уже завели на корабль, и он уже в своем стойле, спокойно жует свое сено. Пойдем же, Иззи, нам нельзя задерживать отплытие.

Но она по-прежнему не двигается с места. Она отводит меня в сторону, в то время как придворные дамы поднимаются на корабль вместе с матерью. Матросы на корабле поднимают паруса, выкрикивают команды и получают ответы. Двери капитанских кают открыты и ожидают нас. Мимо нас проходит Джордж, не обращая ни малейшего внимания на переживания Изабеллы, отец отдает последние распоряжения кому-то, стоящему на причале, и матросы отдают швартовые.

- Мой срок слишком близок, чтобы подниматься на борт корабля.

- С тобой будет все в порядке, - говорю ей я. - Ты можешь лежать в кровати в каюте так же, как ты бы лежала в своей кровати дома.

Но она все еще колеблется:

- А что, если мы попадем под плохой ветер?

- Что?

- Королева и ее мать - ведьмы, а ведьмы могут вызывать плохой ветер свистом. Ведь правда? Что, если она уже вызвала ветер, который только и ждет, чтобы мы сели на корабль?

- Из, она не сможет сделать ничего подобного. Она самая обыкновенная женщина.

- Может, и ты сама прекрасно об этом знаешь. Она никогда не простит нам смерти своего отца и брата. Так сказала ее мать.

- Ну конечно, они очень злились на нас, но этого она не сможет сделать. Она не ведьма.

Неожиданно рядом с нами оказывается отец.

- Поднимайтесь на борт, - говорит он.

- Иззи напугана.

Он смотрит на нее, свою старшую дочь, избранную, и напряженный взгляд его карих глаз не замечает ни бледности ее лица, ни руку, прикрывающую огромный живот: сейчас он видит перед собой помеху для исполнения одного из своих ближайших планов. Потом он оглядывается в том направлении, откуда мы прибыли, словно стараясь рассмотреть приближающиеся королевские штандарты и пыль, поднимаемую копытами королевской конницы.

– Поднимайтесь на борт! – еще раз бросает он и направляется к трапу, даже не смотря в нашу сторону. Нам остается торопливо следовать за ним, когда он дает команду отправляться.

Швартовы отданы, подходят баркасы и принимают концы, чтобы отбуксировать нас в открытое море. Гребцы на баркасах наклоняются над веслами и начинают свой нелегкий труд, как только щуплый мальчик-барабанщик задает привычный, объединяющий их усилия ритм. Корабль медленно трогается, отходит от мощной набережной и причала и выходит в реку. Паруса трепещут и постепенно каменеют на ветру, корабль покачивается в такт пойманным порывам. Отца обожают в Девоне, как и во всех остальных портах Англии, за то, что он защищает их от напастей, приходящих со стороны проливов, отделяющих Англию от континента, поэтому вокруг видны улыбающиеся лица, машущие руки, посылающие воздушные поцелуи, слышны благословения. Джордж немедленно выходит вперед и становится рядом с ним на палубу юта и поднимает руку в королевском приветствии. Отец подзывает к себе Изабеллу, обнимает ее за плечи и поворачивает так, чтобы все видели ее живот. Мы с матерью стояли на носу корабля. Отец не звал меня к себе, я была ему там не нужна. Это Изабелле суждено было стать новой королевой Англии, и она сейчас отправлялась во временное изгнание, чтобы обязательно вернуться с триумфом. Это Изабелла носила под сердцем дитя, которое, как все надеялись, окажется мальчиком, будущим наследником английского королевства.

Мы выходим в открытое море, и матросы бросают концы на баркасы и зарифляют паруса. Дует легкий ветерок, паруса оживают, и скрипят мачты: наш корабль двинулся по голубым волнам, с шелестом расходившимся под носом судна. Иззи и я всегда любили ходить под парусами, и она успокаивается, забывает о своих страхах и присоединяется ко мне, чтобы посмотреть на группу дельфинов, резвящихся в прозрачной воде. Далеко над горизонтом виднеется полоска молочно-белых облаков, напоминающая жемчужную нить.

Вечером мы дрейфуем возле порта Саутгемптона, в котором стоит на якоре флот отца, ожидая команды присоединиться к нам. Отец отправляет к ним гонца на маленькой весельной лодочке, а мы остаемся ждать на борту, наблюдая за тем, как скачет по волнам Солента лодка, то и дело вглядываясь в контуры берега, ожидая в любой момент увидеть целый лес из покачивающихся мачт, источник нашей силы, и гордости, и власти отца, Морского Командора. Но перед нами появляются только два корабля. Как только они поравнялись с нами, отец перегибается через поручни, и моряки с тех судов кричат, что нас ждут, что сын

Риверсов, Энтони Вудвилл, ведомый проклятым семейным даром предвидения, примчался сюда вместе со своими войсками, как бешеный, успев прибыть раньше нас и подчинить себе большую часть команд флота. Кого-то он арестовал, кого-то убил на месте, но самое главное – он прибрал к рукам все отцовские корабли, включая самый новый, флагман «Троицу». Энтони Вудвилл теперь владеет флотом отца. Риверсы забрали у нас наши корабли так же, как отобрали у нас короля, так же, как заберут и все остальное.

– Быстро спускайся в каюту! – кричит мне отец. – И скажи матери, что мы вернемся в Кале утром и что я возвращаюсь за «Троицей» и всеми остальными моими кораблями, а Энтони Вудвилл жестоко пожалеет о том, что протянул к ним руки.

Мы будем плыть весь вечер и всю ночь, опережая ветер в проливе, стремясь к своему дому в Кале. Отец прекрасно знает эти воды, и его команда уже не раз ходила по ним и сражалась за каждый их дюйм. Судно, на котором мы плыли, было недавно спущено на воду и снаряжено как боевой корабль, но его жилые каюты достойны короля. Мы идем на восток с попутным ветром, и небеса над нами высоки и ясны. Изабелла будет отдыхать в королевской каюте на главной палубе, и я останусь с ней. Мать с отцом разделят большую каюту под палубой юта, а Джордж получит капитанскую каюту. Вскоре будет подан ужин, и мы будем играть в карты при неровном свете свечей, потом разойдемся по каютам, и я усну, убаюканная покачиванием судна на волнах, скрипом мачт и снастей и солоноватым запахом моря. Я понимаю, что свободна: время моей службы королеве подошло к концу – совсем. Я больше никогда не увижу Елизавету Вудвилл. Она никогда меня не простит, никогда больше не услышит моего имени, как и мне не придется больше терпеть ее молчаливого презрения.

– Ветер крепчает, – замечает Иззи, прогуливаясь по основной палубе перед ужином.

Я поднимаю голову. Штандарты на верхушках мачт бьются, словно в припадке, и чайки, следовавшие за кораблем, уже отстали и направились назад, в сторону берега Англии. Тонкая жемчужная нитка облаков набухла и превратилась в грудку серых рыхлых туч.

– Ничего страшного, Иззи, – говорю я. – Пойдем, мы можем вернуться в каюту. У нас никогда еще не было такой роскошной каюты.

Мы подходим к дверям, которые уводят с главной палубы, но, когда Изабелла кладет руку на медную ручку, корабль внезапно накреняется, и она, не удержавшись на ногах, наваливается на дверь и влетает в каюту. Она падает, ударяясь о кровать, я подползаю к ней и обнимаю ее:

– Как ты, Иззи?

Следующая волна ударяет в борт корабля, и мы перелетаем к другой стене нашей небольшой каюты, и Иззи падает на меня, пригвозждая меня к стене.

– Ложись в кровать, – говорю я.

Пол каюты снова встает на дыбы, пока мы ползем к кровати, и Изабелле удается ухватиться за ее край. Я держусь рядом, даже пытаюсь смеяться над неожиданной встряской, из-за которой мы выглядим так глупо, но Изабелла внезапно раздражается плачем.

– Это шторм! Шторм, как я и говорила! – В воцарившейся полутьме каюты ее глаза кажутся неправдоподобно огромными.

– Не может быть, это просто пара высоких волн, и все. – Я смотрю в сторону окна. Облака, которые сначала казались такими воздушными и полупрозрачными, теперь потемнели, и солнце затаили угрожающие черно-желтые полосы. Небо кажется непривычно темным и красным, несмотря на то что времени не больше полудня.

– Просто пасмурно, – говорю я, изо всех сил стараясь, чтобы это прозвучало беззаботно. Я в жизни никогда не видела такого неба. – Может, ляжешь в кровать, чтобы отдохнуть? Тебе это пойдет только на пользу.

Я помогаю ей забраться на качающуюся кровать и, как только корабль внезапно проваливается в волны, а затем с резким толчком рвется вверх, валюсь с ног.

– Забирайся со мной, – настаивает Иззи. – Ложись со мной. Я замерзаю. Мне так холодно!

Я скидываю туфли, но внезапно меня одолевают сомнения. Я замираю, и кажется, что вместе со мной замирает все вокруг нас, словно бы небо замолчало и чего-то ждет. Корабль выравнивается и стоит на спокойной гладкой воде почти неподвижно, и ветер, который гнал нас в сторону дома, на восток, вдруг вздыхает, будто утомившись, и затихает совсем. Весь мир вокруг наполняется мертвенной, не предвещающей ничего доброго тишиной.

Я выглядываю в окно. Морская гладь стала такой спокойной, словно это была болотистая суша, а корабль осел на мелководье. Воздух абсолютно неподвижен, а небеса заволкли свинцовые тучи, которые давят на мачты корабля, на само море. Все пугающе неподвижно: чайки исчезли, было слышно, как сидевший на краспице основной мачты матрос вполголоса произнес: «Господи Иисусе, спаси и сохрани» – и стал спускаться по веревкам на палубу. Его голос отозвался странным эхом, словно бы мы вместе со всем кораблем были накрыты большим стеклянным колпаком.

– Господи Иисусе, спаси и сохрани, – повторяю я.

– Убрать паруса! – Зычный рык капитана нарушает зловещую тишину. – Взять риф! – И до нас доносится топот босых ног по палубам и грохот снастей, сопровождавший сноровистое опускание парусов.

Море такое спокойное, что его поверхность кажется стеклянной, и в ней сначала отражаются облака, потом, за то короткое время, которое я на него смотрела, оно из синего стало черным, заволновалось и пришло в движение.

– Это она делает вдох, – пробормотала Изабелла с искаженным от ужаса лицом и потемневшими глазами.

– Что?

– Она делает вдох.

– Да нет же, – возражаю я, изо всех сил стараясь казаться уверенной, но неподвижность воздуха и предчувствия Изабеллы начинают меня пугать. – Это просто временное затишье.

– Она делает вдох, а потом может свистнуть, – произносит Иззи. Она отворачивается от меня и ложится на спину, и ее огромный живот выступает над ней. Она обеими руками держится за края причудливо украшенной резьбой кровати, а ногами вытягивается к изножью, словно готовясь к неминуемой беде, большой опасности. – Вот сейчас... сейчас она засвистит!

– Ну что ты, Иззи, – пытаюсь с деланной веселостью сказать я, как вдруг раздается такой душераздирающий вой ветра, что от ужаса я сама лишаюсь способности дышать. Этот звук похож на визг баньши[7 - Фигура из ирландских легенд. Если человек слышит пронзительный крик баньши, значит, он обречен на верную смерть и час его кончины близок.], на свист, что льется с черных небес прямо на корабль – тот внезапно кренится, а море, выгибаясь, подбрасывает его к облакам, которые в тот же самый момент надвое рассекает желтая молния.

– Закрой дверь! Запри! Не пускай ее! – кричит Иззи, когда из-за качки двойные двери в каюту распахиваются настежь. Я тянусь к ним, но, вместо того чтобы закрыть их, замираю от изумления. Двери нашей каюты выходят на нос корабля, и перед ним я должна была видеть волны. Но на моих глазах нос корабля пляшет то вниз, то вверх в полной пустоте, словно корабль поднялся на дыбы и стоит на корме строго вертикально, задрав нос прямо в небеса. А потом я понимаю, что именно я вижу. Прямо перед кораблем висит огромная отвесная волна, словно стена нашей крепости, а маленький кораблик пытается взобраться по ее отвесному краю. Еще мгновение, и искристо-белый на фоне свинцового неба гребень волны обрушится на нас вместе с ледяной дробью града, который в мгновение ока превращает палубу в заснеженное поле, жалит мое лицо и открытые руки и колет мои ноги, как битое стекло.

– Закрой дверь! – снова кричит Изабелла, и я бросаюсь на двери всем своим весом в тот самый момент, как волна обрушивается на палубу с ударом, от которого содрогается весь корабль. Над нами поднимается очередная волна – двери в каюту распахиваются, впуская поток воды, который захлестывает меня до пояса. Хлопанье дверей, крики Изабеллы, дрожь и скрип корабля, проседающего под тяжестью обрушившейся на него воды, голоса моряков, которые сражаются с парусами, цепляются за рангоуты и висят над этим невыносимым водоворотом на одних руках, думая лишь о том, как бы пережить очередной безумный скачок корабля; срывающийся крик капитана, раздающего команды, чтобы удержать судно носом к идущей на него волне, – все это смешалось в безумном танце шквального ветра и огромных волн, похожих на

горы из темного стекла, подходивших к нам одна за другой.

Корабль снова встает на дыбы, и двери распахиваются, чтобы вместе с каскадом воды впустить отца, в мокрой накидке и плечами белыми от града. Он захлопывает за собой двери и хватается за косяк, чтобы удержаться на ногах.

– Все в порядке? – коротко спрашивает он, глядя на Изабеллу, которая обеими руками держится за живот.

– Мне больно! Мне больно! – кричит она. – Отец! Отвези нас в порт!

Он смотрит на меня, и я в ответ пожимаю плечами.

– Ей все время больно, – так же коротко отвечаю ему я. – Как корабль?

– До берега Франции доберемся, – говорит он. – Там, на берегу, мы найдем укрытие. Помогите ей, держите ее в тепле. Огонь везде погашен, но, как только мы сможем зажечь его снова, я пришлю вам горячего эля.

Корабль снова подбрасывает, и мы с отцом летим в противоположный угол каюты.

– Отец! – кричит Изабелла.

Мы с трудом встаем на ноги, цепляясь за стены, и подтягиваемся к краю кровати. Приблизившись к ней, я усиленно моргаю, потому что в неверном свете вспышек за окном простыни Иззи кажутся мне черными. Я тру глаза влажными руками, ощущая морскую соль на пальцах и на щеках, и потом понимаю, что ее простыни на самом деле не черные. Они красные. У Изабеллы отошли воды.

– Ребенок! – всхлипывает она.

– Я пришлю сюда мать, – торопливо говорит отец и опрометью выбегает из двери, захлопывая ее за собой. Он исчезает за стеной града. В свете то и дело вспыхивающих молний действительно кажется, что на нас стремительно несется сплошная белая стена, а когда молнии стихают, все опять становится черным. И эта всепоглощающая чернота пугает больше всего. Я хватаю Изабеллу за руки.

– Мне больно! – жалобно говорит она. – Энни, мне больно. Мне правда больно. – Ее лицо внезапно искажает гримаса, и она со стоном вцепляется мне в руку. – Я не придумываю. Энни, я не пытаюсь привлечь к себе внимание. Мне больно, мне ужасно больно! Энни, мне очень больно.

– Кажется, ты рожаеть, – говорю я.

– Нет! Нет! Еще рано! Еще рано! Он не может родиться тут! Только не на корабле!

Я с отчаянием оглядываюсь на дверь. Где же мать? Не может быть, чтобы Маргарита подвела нас! Где же придворные? Не может быть, чтобы мы оставались тут с Изабеллой одни, без всякой помощи, цепляясь друг за друга при свете одних только молний, пока она рожает.

– У меня есть поясок! – вдруг спохватывается она. – Освященный поясок, который поможет при родах.

Наши сундуки и личные вещи были погружены в трюм. В каюте для Изабеллы был приготовлен только маленький сундучок со сменой белья.

– Еще икона и знаки пилигримов, – продолжает она. – Это все в моей резной шкатулке. Мне они нужны, Энни! Принеси их мне, они меня защитят...

Ее пронзает очередной приступ боли, она кричит и снова хватается мою руку. В этот момент дверь распаивается и к нам вместе с волной воды и града входит мать.

– Леди мать! Леди мать!

– Вижу, – холодно отвечает она на призывы, затем поворачивается ко мне: – Отправляйся на камбуз и скажи им, что они должны зажечь огонь. Нам нужна горячая вода и потом подогретый эль. Скажи, что это мое распоряжение. И попроси, чтобы они дали что-нибудь, что она могла бы зажать в зубах, деревянную ложку, если они не найдут ничего другого. И передай моим служанкам, чтобы несли все белье, что у нас есть.

Огромная волна подбрасывает корабль, и мы снова перелетаем из одного угла каюты в другой. Мать хватается за край кровати.

– Иди, – говорит она мне. – И пусть кто-нибудь из мужчин держит тебя, пока ходишь по кораблю. Не позволяй волне смыть себя за борт.

После такого предостережения я понимаю, что у меня не хватает духа открыть дверь и выйти навстречу шторму.

– Иди! – сурово приказывает мне мать.

Я беспомощно киваю и выхожу из каюты. Вода, заливающая палубу по колено, выплескивается из бортов судна, в сливы, но, как только она стекает, приходит новая волна. Нос судна вздымается и падает, и весь корабль содрогается, когда он сталкивается с водной массой. Нет, никакое судно долго не вынесет подобного испытания. Мимо меня с трудом ковыляет какая-то вымокшая фигура. Я хватаю его за руку.

– Отведите меня в каюту придворных дам! – кричу я, пытаюсь пересилить завывания ветра.

– Господи, спаси! Господи, спаси души наши грешные! – Он отдергивает от меня руку.

– Ведите меня в каюту к придворным дамам, а потом на камбуз! – кричу я. – Я приказываю вам! Моя мать приказывает!

– Это ведьмин ветер, – с ужасом произносит он. – Он поднялся сразу же, как на борт вступили женщины. Женщины на борту, да, одна из них умирает, это они принесли ведьмин ветер! – Он вырывается из моих рук, и следующий рывок судна бросает меня к поручням, и я вцепляюсь в них изо всех сил, пока огромная волна замирает на мгновение отвесно над кормой, потом обрушивается на нее всей своей массой. Меня сбивает с ног, и только пальцы, уцепившиеся за канаты, да мое платье, застрявшее под поперечной планкой, спасают мне жизнь. Но встретившегося мне моряка она не щадит. Я вижу его бледное лицо за завесой зеленой воды, перекидывающей его за борт, и он летит вниз, несколько раз перекувырнувшись через голову: руки и ноги раскинуты в разные стороны, рот открывается и закрывается, как у выловленной рыбы. Он быстро исчезает из

вида, а корабль в очередной раз вздрагивает под яростными ударами волн.

– Человек за бортом! – кричу я, но мой голос звучит не громче комариного писка по сравнению с ревом шторма. Я оглядываюсь по сторонам и понимаю, что весь экипаж привязан к своим местам и тонущему бедолаге никто не поможет. Вода стекает с палубы мимо моих ног. Я крепче берусь за поручни, чтобы выглянуть за борт, но он уже исчез в черноте моря. Вода проглотила его без всякого следа. Корабль продолжает покачиваться после недавнего удара, но над ним уже нависает следующая огромная волна. Неожиданный разряд молнии показывает мне, в каком направлении находится камбуз, и я отрываю край платья, спасшего мне жизнь, и бросаюсь к нужным мне дверям.

В камбузе все огни потушены, сама комната наполнена паром и дымом, сковороды и кастрюли грохочут на своих крюках, раскачиваясь в разные стороны. Кок сидит, втиснувшись за свой стол.

– Вы должны зажечь огонь, – задыхаясь, говорю я. – И приготовить подогретый эль и горячую воду.

Кок смеется прямо мне в лицо.

– Мы тонем! – заявляет он не без черного юмора. – Мы тонем, а вы приходите сюда за горячим элем?

– Моя сестра рождает! Нам нужна горячая вода!

– Зачем? – требовательно вопрошает он, будто сейчас было время для вопросов и ответов. – Чтобы спасти ее, чтобы она родила корм для рыб? Потому что ее ребенок точно утонет, вместе с ней и со всеми нами.

– Я приказываю вам помочь мне! – цежу я сквозь стиснутые зубы. – Я, Анна Невилл, дочь создателя королей, приказываю вам!

– Да ну, придется ей обойтись без воды, – отвечает он, будто бы потеряв ко мне интерес. Пока он это говорит, судно в очередной раз резко кидает, и дверь в камбуз распаивается. Вода врывается внутрь и заливают печь.

– Дайте мне полотенце! – настаиваю я. – Тряпок... чего угодно! И ложку, чтобы она могла ее зажать в зубах.

Взяв себя в руки, он опускается под стол и вытаскивает оттуда корзину выбеленных полотенец.

– Подожди, – говорит он. Из другого ящика он достает деревянную ложку, а из шкафа – бутылку темного стекла. – Это бренди, можешь ей дать его. Сделай и сама глоток, славная помощница, по крайней мере утонешь веселой.

Я беру из его рук корзинку и иду к ступеням, ведущим из камбуза. Очередной скачок судна побрасывает меня вверх, и вот я уже снова на палубе, только уже с занятыми руками, и я бегу в сторону каюты моей сестры, стараясь успеть до того, как на корабль обрушится очередная волна.

В каюте я вижу, что мать склонилась над Изабеллой, которая теперь стонет без остановки. Я вваливаюсь внутрь и захлопываю за собой дверь. Мать выпрямляется.

– На камбузе так и не зажгли огня? – спрашивает она. Я молча качаю головой. Корабль взмывает на гребень волны и обрушивается. – Садись. Это надолго. Нас ждет долгая и тяжелая ночь.

Всю эту ночь я могла думать только о том, что если мы выживем в этом шторме, если проберемся через бушующее море, то в самом конце путешествия нас будет ждать вытянутая полоса стены, ограждающей порт Кале, и там мы найдем укрытие. Там нас ждет знакомая пристань, на которой будут стоять люди, внимательно вглядываясь в горизонт в ожидании нашего корабля и уже приготовив горячие напитки и сухую одежду. И когда мы подойдем к берегу, они заберут нас с корабля и опрометью доставят нас в замок. Изабеллу отнесут в ее спальню и позовут повитух, и она сможет повязать свой благословенный поясок поверх своего многострадального живота и прикрепить знаки пилигримов к своей одежде.

И тогда она сможет удалиться в свои покои надлежащим образом, ее запрут в ее комнатах, и я буду вместе с ней. А потом она родит в окружении дюжины повитух и лекарей, и для ребенка все будет готово: и пеленальный столик, и

колыбель, и кормилицы, и священник, чтобы благословить младенца, как только он родится, и освятить комнату.

Я сплю на кресле, Изабелла засыпает и просыпается, мать рядом с ее кроватью. Иззи время от времени вскрикивает – тогда мать встает и ощупывает ее живот, который сейчас особенно сильно выпирает и кажется угловатым. Изабелла плачет, говоря, что не вынесет этой боли, а мать держит ее сжатые кулачки и успокаивает ее, говоря, что боль пройдет. Потом все стихает, и Изабелла, тихо плача, снова ложится на кровать. Шторм немного стихает, но продолжает грохотать вокруг нас, разрывая сполохами горизонт, отражаясь грохотом от поверхности моря. Тучи висят так низко, что мы не видим берега, хотя и слышим, как волны бьются о французские камни.

Приходит рассвет, но небеса не наполняются светом. Волны становятся ниже и приходят все реже, продолжая толкать корабль то в одну, то в другую сторону. Команда постепенно, перебирая руками поручни, выбралась на нос судна, где оборвался парус, и срезала его, связав балластным узлом и вывесив за корму. Кок зажег в очаге огонь, выдал каждому по небольшой кружке горячего грога и послал Изабелле и всем нам подогретого эля. Три придворные дамы матери и наша сводная сестра Маргарита пришли к нам, принесли Изабелле свежую смену платья, чтобы она могла переодеться, и забрали окровавленное белье. Изабелла спит от одного приступа боли до другого, но она так устала, что теперь ее будят только самые сильные схватки. От усталости и боли она начинает путать сон с явью. Я кладу руку ей на лоб и понимаю, что у нее жар, а на бледных щеках – яркие пятна лихорадочного румянца.

– Что с ней? – спрашиваю я Маргариту. Она ничего не говорит в ответ, лишь качая головой.

– Она заболела? – шепотом спрашиваю я у матери.

– Ребенок застрял, – отвечает мать. – Как только мы пришвартуемся, позовем повитуху, и она его развернет.

Я смотрю на нее с раскрытым ртом, не понимая, что значат ее слова.

– Это плохо? – спрашиваю я. – Что ребенка будут поворачивать? Кажется, плохо.

– Да, – прямо говорит она. – Плохо. Я видела, как это делается, и это приносит нестерпимую боль. Иди спроси отца, сколько нам еще идти до Кале.

Я снова выбегаю из каюты. Сейчас с черных небес льется дождь, но это просто ровный ливень, а море под килем влечет нас в нужном направлении. Вот только ветер противится и сбивает нас с курса. Отец стоит на капитанском мостике рядом с рулевым и капитаном.

– Миледи мать спрашивает, как долго еще до Кале, – обращаюсь я к нему.

Он поднимает на меня взгляд, и я вижу, как шокирован он моим внешним видом: мои волосы непокрыты и растрепаны, платье порвано и покрыто пятнами крови. Я вымокла до нитки и стою перед ним босая. Конечно, на моем облике лежит печать отчаяния: я бодрствовала почти всю ночь и минуту назад узнала о том, что моя сестра может умереть. И единственное, что я для нее сделала за все это время, – это пробралась на камбуз и раздобыла деревянную ложку, которую она могла бы прикусить во время своей агонии.

– Еще час или два. Уже недолго, – отвечает он. – Как там Изабелла?

– Ей нужна повитуха.

– Через час или два она у нее будет, – говорит он мне с теплой улыбкой. – Передай ей это от меня. Даю слово. Она будет ужинать дома, в нашем замке, и оставшееся до родов время проведет с лучшими лекарями Франции.

Эти слова ободряют меня, и я улыбаюсь ему в ответ.

– И приведи себя в порядок, – резко добавляет он. – Ты – сестра королевы Англии. Обуйся и смени это платье.

Я кланяюсь и выбегаю из капитанского мостика.

И мы ждем. Это были очень долгие два часа. Я расправляю свое платье, потому что у меня нет сменного, расчесываю и заплетаю волосы и прячу их под головной убор. Изабелла стонет во сне, потом просыпается от боли, и тут я слышу, как впередсмотрящий кричит: «Земля! Правый карамбол! Кале!»

Я вскакиваю с кресла и выглядываю в окно. Перед моими глазами проплывают знакомые очертания высоких городских стен, сводчатой крыши Стэпл-холла и башни собора, а затем я вижу и замок на вершине холма, зубчатые стены с бойницами и наши окна, в которых горит свет. Я прикрываю глаза рукой, заслоняя их от проливного дождя, но все равно вижу только окно в моей спальне, где горящие свечи и распахнутые ставни только и ждут моего возвращения. Я вижу мой дом. Я понимаю, что мы теперь в безопасности. Мы дома. Я чувствую колоссальное облегчение, будто бы с плеч падает тяжелый груз страха. Мы дома, и с Изабеллой теперь все будет в порядке.

До меня доносится металлический звон и дребезжание. Я смотрю на стены замка и замечаю, как вокруг огромной лебедки столпилось множество людей, и они вращают ее колеса. А перед кораблем из морских глубин медленно появляется цепь, преграждающая нам путь.

– Быстрее! – кричу я, как будто нам по силам надуть паруса и пересечь цепь еще до того, как она поднимется слишком высоко. Но нам ведь не нужно преодолевать этот барьер: как только они узнают нас, то тут же опустят цепь. Как только увидят герб Уориков, они нас впустят. Отец – самый горячо любимый капитан – защитник, который когда-либо был в Кале. Это его город, а не Йорков или Ланкастеров, город, верный ему одному. Это дом, в котором прошло мое детство. Я снова смотрю на замок и вижу, как в бойнице прямо под моим окном появляется пушка, потом в другой и в еще одной, словно замок готовился к защите.

Это какая-то ошибка, пытаюсь я себя убедить. Должно быть, они приняли нас за один из кораблей короля Эдуарда. Но потом я поднимаю глаза чуть выше. Над защитной стеной развевался не флаг отца: там было не копьё, но белая роза Йорка и символ королевской власти, два флага вместе. Кале сохранил верность Эдуарду и дому Йорков, в то время как наша верность дрогнула. Отец провозгласил, что Кале верен дому Йорков, и Кале не отступил. Он не колеблется вслед за приливами и отливами и сохраняет верность присяге так, как сохраняли ее некогда мы, только вот теперь мы превратились для них во врагов.

Впередсмотрящий замечает опасность поднимающейся цепи и криком предупреждает о ней рулевого. Капитан на бегу кричит приказы матросам. Отец бросается на штурвал, помогая рулевому вращать его, чтобы вывести корабль из смертельно опасной западни – из цепи. Пока корабль разворачивался поперек

ветра, паруса начинают опасно надуваться, угрожая опрокинуть корабль.

– Круче поворот, рифите парус! – кричит отец, и, натужно скрипя, корабль разворачивается. До нас доносится звук залпа, и рядом с бортом падает пушечное ядро. Разглядев корабль, они вычислили, какое расстояние нас разделяет, – они нас потопят, если мы не повернем вспять.

Я не могу поверить в то, что против нас обратился наш собственный дом, но отец без тени промедления разворачивает свой корабль и уводит его из-под пушечных залпов, чтобы ослабить паруса и бросить якорь. Я никогда не видела его в такой ярости. Он отправляет ботик с одним из своих офицеров к своему же гарнизону с требованием пропустить корабль. Нам не остается ничего другого, как ждать ответа. Море тяжело дышит волнами, ветер настолько силен, что якорная цепь натянута до предела, а корабль нервно дергает носом и раскачивается из стороны в сторону. Я выхожу из каюты и иду на корму, чтобы посмотреть на свой дом. Мне не верится, что они не пустили нас. Не верится, что мне не подняться по каменным ступеням в спальню, попросив по дороге горячую ванну и чистое платье. Потом я заметила, как от причала к нам идет ботик. Я слышу стук, когда она швартуется к кораблю, и крик наших матросов, спускающих вниз веревки. С лодки наверх были подняты бочонки с вином, галеты и сыр для Изабеллы. И все. Нам не было передано ни слова. Им не о чем с нами говорить. Они отчаливают и отплывают в сторону Кале. Вот и все. Они закрыли нам путь домой и из жалости послали Изабелле вина.

– Анна! – доносит ветер до меня зов матери. – Иди сюда.

Я, с трудом удерживаясь на ногах, бреду в каюту. По дороге я слышу, как протестующе скрипит якорная цепь, звенит, возвращаясь на место, и освобождает корабль. Судно снова предано на милость волн, и ветер несет его по своей воле. Я не знаю, какой курс выберет отец. Я не знаю, куда нам сейчас идти, если нас изгнали из собственного дома. Мы не можем вернуться в Англию, потому что мы предали ее короля. Кале не принял нас... Так куда же нам податься? Есть ли на свете такое место, где мы будем в безопасности?

Зайдя в каюту, я вижу, что Изабелла стоит на кровати на четвереньках и мычит, как гибнущее животное. Она посмотрела на меня сквозь спутанные волосы, и я заметила, как бледно ее лицо и красны глаза. Я с трудом узнаю ее: она дурна собой, даже уродлива, как измученное животное. Мать подняла край ее сорочки, и я вижу, что ее белье все в крови. Я быстро опускаю глаза.

– Ты должна просунуть внутрь руку и повернуть ребенка, – говорит мать. – У меня слишком большая рука, не получается.

– Что? – с ужасом переспрашиваю я.

– Здесь нет повитухи, поэтому придется поворачивать ребенка самим, – нетерпеливо говорит мать. – Она слишком мала, а у меня слишком большие руки.

Я опускаю глаза на свои тонкие руки с длинными пальцами.

– Я не знаю, что делать! – вырывается у меня.

– Я тебе скажу.

– Я не могу!

– Ты должна.

– Мать, я ведь просто девочка, придворная, я и быть-то здесь не должна...

Меня прерывает крик Изабеллы, которая роняет голову на кровать.

– Энни, ради всего святого, помоги! Вытащи это из меня! Вытащи!

Мать берет меня за руку и буквально тащит к изножью кровати. Маргарита приподнимает подол Изабеллы, и я вижу, что ее тело все покрыто кровью.

– Вложи руку вот сюда и протолкни внутрь, – говорит мать. – Что ты чувствуешь?

Когда я продвигаю руку в податливую плоть Изабеллы, она кричит от боли. Я чувствую только отвращение. Отвращение и ужас. Затем мои пальцы натываются на что-то более осязаемое: маленькую ножку. Вдруг тело Изабеллы сотрясают схватки, и моя рука оказывается зажата как в тиски, мои пальцы сжимает до боли.

- Не надо! - кричу я. - Не делай так! Мне больно!

Она тяжело дышит и всхлипывает, как умирающая корова.

- Я ничего не могу с этим поделать. Энни, вытащи это!

Скользкая ножка зашевелилась от моего прикосновения.

- Нашла. Кажется, это нога. Или рука.

- Ты можешь найти вторую?

Я качаю головой.

- Тогда тащи так, как есть, - говорит мать.

Я оторопела.

- Мы должны это вытащить. Только тяни медленно.

Я начинаю тянуть. Изабелла кричит. Я прикусываю губу. Это страшно и отвратительно, и Изабелла внушает мне ужас и отвращение тем, что стоит вот так, как жеребая кобыла, рождает, как простая шлюха, вынуждая меня делать то, что я сейчас делаю. Я ловлю себя на том, что мое лицо искажено гримасой, а голова вообще отвернута в сторону, словно я не хочу видеть того, что делаю, стоя как можно дальше от кровати, от нее, моей сестры, этого чудовища, касаюсь ее безо всякой жалости, крепко держась за ногу существа внутри нее, как мне и было велено, вопреки моему сильнейшему отвращению.

- Ты можешь просунуть туда вторую руку?

Я смотрю на мать так, словно передо мной безумная. Это невозможно.

- Попробуй просунуть вторую руку и ухватиться за ребенка.

Из-за ужаса, внушенного мне этим запахом крови и ощущением маленькой скользкой конечности в моей руке, я и забыла о том, что там, внутри, ребенок. Осторожно я просовываю внутрь вторую руку. Тело поддается, и кончиками пальцев я ощущаю что-то, что вполне может быть рукой или плечом.

- Рука? - неуверенно произношу я, тут же плотно стискиваю челюсти, чтобы меня не вырвало.

- Оттолкни в сторону и просунь руку глубже. Найди вторую ногу. - Мать заламывает руки, отчаянно желая положить этому конец и похлопывая Изабеллу по спине, словно она - приболевшая собака.

- Нашла вторую ногу, - выговариваю я.

- Когда я тебе скажу, потянешь за обе ноги сразу, - приказывает она, затем делает шаг в сторону и берет в ладони лицо Изабеллы. - Как только ты почувствуешь приближение следующих схваток, ты должна будешь тужиться, - сказала она. - Изо всех сил.

- Я не могу, - всхлипывает Изабелла. - Не могу, мама! Я больше не могу!..

- Ты должна. Обязана. Скажи, когда начнутся схватки.

Наступает недолгая пауза, и Изабелла издает рычание и кричит, собрав последние силы:

- Сейчас! Началось!

- Тужься! - велит мать. Присутствовавшие в каюте женщины схватили ее за руки и стали тянуть, словно мы собирались разорвать ее пополам. Маргарита вкладывает между зубами Изабеллы деревянную ложку, и та, взыв, закусывает ее.

- Тяни ребенка! - кричит мне мать. - Сейчас. Потихоньку. Тяни!

Я выполняю приказание, но, к своему ужасу, чувствую, как под моими пальцами что-то хрустнуло и поддалось.

– Нет! Сломался! Сломался!

– Тяни! Все равно тяни!

Я тяну, и на меня сначала выплескивается кровь, валятся сгустки вместе с дурно пахнущей жидкостью, и из Изабеллы появляются две маленькие ножки. Сестра заходится криком от боли и задыхается.

– Еще раз, – говорит мать. Ее голос звучит странно торжествующе, но меня происходящее пугает еще сильнее. – Почти закончили, Изабелла, осталось еще немного. Давай, как только наступят схватки.

Изабелла рычит и собирается с последними силами.

– Тяни, Энни! – приказывает мать, и я берусь за тонкие скользкие ножки и снова тяну, и наступает момент, когда мне кажется, что ничего не происходит, но потом я вижу, как появляется сначала одно плечо, потом другое, а потом Изабелла испускает истошный визг, когда идет голова. Я отчетливо вижу, как лопается ее плоть, будто бы ее тело состояло из алой и синей парчи, алая кровь и синие вены. Наконец выходит голова и скользкая пуповина. Я роняю ребенка на кровать, отворачиваюсь, и меня тошнит прямо на пол.

Корабль качает волна, мы все наклоняемся в такт морской качке, и мать, перебирая руками по краю кровати, доползает до ребенка, чтобы бережно укутать его в пеленки. Меня одолевает дрожь, я вытираю окровавленные руки о какую-то ветошь, вытираю рвоту с лица, но все это время я жду слов о том, что чудо все-таки случилось. Я жду первого крика, дарованного нам чудом. Однако в каюте царит тишина.

Изабелла тихонько стонет. Я вижу, что она исходит кровью, но никто не ухаживает за ее ранами. Мать тепло укутала ребенка. Одна из женщин поднимает взгляд, по ее улыбающемуся лицу текут слезы. Мы все ждем первого детского крика. Мы ждем. Чтобы улыбнулась мать.

Но измученное лицо матери так и остается серым и неподвижным.

– Это мальчик, – хрипло говорит она. Однако в ее голосе нет никакой радости, а уголки губ по-прежнему опущены вниз.

– Мальчик? – с надеждой переспрашиваю я.

– Да, мальчик. Только он мертв. Мертвый мальчик.

Река Сена, Франция

Май, 1470 год

Матросы спускают паруса и размещают их на реях, чтобы подлатать. Королевскую кабину чистят и отмывают от крови Иззи и моей рвоты. Все говорят, что мы чудом остались живы в этом шторме, и обсуждают пережитый ими страх, когда увидели поднимающуюся из воды цепь на входе в порт Кале. Говорят, что только действия моего отца, бросившегося на штурвал, позволили развернуть корабль и что ни за что на свете не отправятся в подобное путешествие, только в случае крайней необходимости и только если за штурвалом будет отец. Они говорят, что он их спас. Но они больше никогда не возьмут женщину на борт, качают они головами. Тем более тех женщин, которых преследует ведьмин ветер. Они ликуют от того, что выжили, но все считают, что корабль был проклят из-за вступившей на его борт женщины и мертвого младенца. Они все верят в то, что корабль преследовал ведьмин ветер, вызванный королевой нам на страшную гибель. Где бы я ни появлялась на судне, все разговоры смолкали и повисала тишина. Они уверены, что раз ведьмин ветер преследовал нас, то он не оставит нас, пока не довершит свое черное дело. Во всех своих кошмарах они винят нас.

Из трюма были подняты наши сундуки, и мы наконец можем вымыться и одеться в чистое. У Изабеллы еще не остановилось кровотечение, но она встает и переодевается, хотя ее платья сидят на ней крайне странно. Нет больше горделиво выдававшегося вперед живота, и она просто выглядит расплывшейся и больной. Освященный поясок и знаки пилигримов распакованы для Иззи вместе с ее украшениями, и она складывает их в шкатулку, которую ставит в изножье нашей кровати, не проронив об этом ни слова. Между мной и ею возникла какая-то молчаливая неловкость. Произошло нечто настолько ужасное, что мы даже не знаем, как это назвать и как об этом говорить. Она вызывает

отвращение и у меня, и у себя самой, но мы об этом не говорим. Мать укладывает мертвого ребенка в шкатулку и уносит, наверное, для того, чтобы кто-то его благословил и выбросил в море. Нам никто не говорит о том, что произошло с ним дальше, а мы и не спрашиваем. Я знаю, что из-за неопытности и неловкости я вывихнула младенцу ногу, но я не уверена в том, что это именно я убила его. Я не знаю, что думает об этом Иззи и что знает об этом мать. Мне никто ничего не говорит, и я сама никогда не заговорю об этом, страх и отвращение из-за пережитого поселились глубоко внутри меня, словно болезнь.

Она должна была находиться вдали ото всех, в изоляции, до тех пор, пока не примет обряд очищения роженицы. Мы все должны были находиться вместе с ней взаперти в своих комнатах, чтобы потом принять церковное очищение. Нет таких традиций, которые предписывали бы рождение мертвых детей во время ведьминогo шторма посреди моря на борту корабля. У нас все пошло не так.

Когда каюту убирают, а постель заправляют чистым бельем, к Изабелле приходит Джордж. Иззи отдыхает на кровати, и он наклоняется, чтобы поцеловать ее бледный лоб и улыбается мне.

– Прими мои соболезнования о твоей утрате, – говорит он.

– О нашей утрате, – поправляет она его, едва на него взглянув. – Это был мальчик.

Его красивое лицо остается безучастным. Наверное, мать ему уже об этом сказала.

– Будут еще дети, – говорит он, и это больше похоже на угрозу, чем на утешение. Он идет к выходу из каюты так, словно не может находиться здесь ни секундой дольше. Мне начинает казаться, что он чувствует здесь запах страха и смерти.

– Если бы наш корабль не тонул бы, ребенок мог выжить, – вдруг говорит она с внезапной злостью. – Если бы я была в замке Уорик, то мне помогли бы повитухи. На мне были бы благословенные святыни, и священник молился бы обо мне. Если бы ты не поехал с отцом воевать против короля, я родила бы ребенка дома и он был бы жив! – Она ненадолго замолкает. На его лице по-прежнему царит безучастие. И тогда она говорит: – Это ты во всем виноват.

– Я слышал, что королева Елизавета снова понесла, – замечает он словно в ответ на ее упреки. – Бог даст, это будет еще одна девочка или мертворожденный. Мы должны родить сына до того, как это сделает она. Это всего лишь заминка на нашем пути, но не его конец. – Он пытается ободряюще улыбнуться. – Это еще не конец, – повторяет он и выходит.

Изабелла смотрит на меня опустошенным взглядом.

– Это конец для моего ребенка, – говорит она. – Совершенно определенно.

Никто не знает, что происходит, но отец, несмотря на то что мы лишились дома и потерпели поражение, были вынесены течением в устье Сены, полон необъяснимого оптимизма. Его военному флоту удастся бежать из Саутгемптона, чтобы присоединиться к нам, поэтому все его бойцы и знаменитый флагман «Троица» теперь снова в его распоряжении. Он все время пишет и отправляет письма к королю Людовику Французскому, но ни с кем не делится своим замыслом. Он заказал себе новые одежды и распорядился сшить их по французской моде, украсив копну своих густых темных волос бархатным беретом. Мы переезжаем в Валонь, чтобы в Барфлере флот мог подготовиться к вторжению в Англию. Во время переезда Изабелла молчалива. Ей и Джорджу отдали весь верхний этаж особняка, но она его избегает. Большую часть дня она проводит со мной, в гостиной матери, где мы открываем окна, чтобы дать доступ воздуху, закрываем ставни и сидим в теплом полумраке. Здесь очень жарко, а Изабелла плохо переносит жару. Она жалуется на постоянную головную боль и усталость, даже по утрам, как только проснется. Однажды она даже сказала, что не видит ни в чем смысла, а когда я спросила ее, что она имеет в виду, сестра только покачала головой, и ее глаза наполнились слезами. Мы сидим на каменном подоконнике большой залы и смотрим на реку и зеленые поля, и ни одна из нас не может уловить смысла в нашем нынешнем существовании. Мы ни слова не говорим о маленьком новорожденном мальчике, которого забрала наша мать, чтобы выбросить в море. Мы не говорим о шторме, о ветре или о море. Мы вообще почти ни о чем не говорим. Просто подолгу сидим в полном молчании, потому что не чувствуем необходимости говорить.

– Как жаль, что мы не в Кале, – неожиданно говорит Изабелла одним жарким тихим утром, и я понимаю, что она имеет в виду. Ей хочется, чтобы всего этого с нами никогда не происходило: ни восстания против спящего короля и злой

королевы, ни победы отца, ни его бунта против короля Эдуарда, а самое главное – не было брака с Джорджем. Это желание отменить почти все, что происходило с нами в детстве, все наши устремления к величию.

А что было делать отцу? Разумеется, он просто должен был начать борьбу против спящего короля и злой королевы. Он знал, что они были на стороне зла, поэтому их должно было свергнуть с престола. А потом, когда их победили и низвергли, он не смог стерпеть пары, которая пришла на смену им. Он не смог жить в Англии, которой правили Риверсы, ему пришлось поднять свой стяг против короля Эдуарда. Им движет желание видеть родное королевство в руках хорошего короля, который прислушивается к нашим советам. Таким королем должен быть Джордж. Я понимаю, что отец не может перестать к этому стремиться. Как его дочь я знаю, что моя жизнь будет подчинена этой бесконечной борьбе, чтобы мы могли достичь того, что нам принадлежит по праву – мы должны стать самыми могущественными людьми во дворе. И Изабелла должна это понимать. Мы родились дочерьми создателя королей, и правление Англией – наш удел.

– Если бы отец не пошел против короля, я бы родила ребенка дома, – продолжает зло говорить Изабелла. – Если бы мы не подняли парус в тот день, в тот самый ветер, у меня сейчас на руках был бы сын. А теперь у меня нет ничего. У меня нет ничего, и мне ни до чего нет дела.

– У тебя еще будут дети, – говорю я. – Мать сказала мне, что тебе постоянно нужно напоминать о том, что у тебя еще будут дети, чтобы не дать тебе скатиться в отчаяние.

– У меня нет ничего, – просто повторяет она.

Когда раздается стук в дверь, мы почти не двигаемся. Один из охранников открывает двойные створки, и в залу тихо входит женщина. Изабелла поднимает голову.

– Прошу прощения, но миледи мать в отъезде, – говорит она гостье. – Мы не принимаем прошений.

– Где графиня? – спрашивает женщина.

– Она с отцом. Кто вы?

– А где ваш отец?

Мы этого не знаем, но признавать этого не собираемся.

– Он в отъезде. Кто вы такая?

И тогда женщина снимает капюшон. Мы с ужасом узнаем одну из йоркских фрейлин, леди Сатклифф. Я вскакиваю на ноги и закрываю собой Изабеллу, словно пытаюсь ее защитить.

– Что вы тут делаете? Что вам нужно? Вы прибыли сюда от королевы? – Меня пронзает ужасная мысль о том, что она прибыла сюда, чтобы убить нас обеих. Я ищу глазами ее руки, спрятанные где-то под складками плаща, как будто в них сокрыт нож.

– Я приехала, чтобы повидаться с вами, леди Изабелла, и с вами, леди Анна, – улыбается она. – А еще мне надо поговорить с вашим мужем, герцогом Джорджем.

– Зачем? – грубо обрывает ее Изабелла.

Женщина смотрит на меня так, словно считает, что я слишком молода для того, чтобы присутствовать при этом разговоре.

– Может, леди Анне стоит удалиться в ее комнату, пока мы разговариваем?

Изабелла стискивает мою руку.

– Анна останется со мной. А вот вас здесь быть не должно.

– Я прибыла сюда из Лондона как друг, чтобы предупредить вас обеих. Сам король не знает о том, что я здесь. Ваша свекровь, герцогиня Сесиль, прислала меня сюда ради вашего же блага. Она хочет передать вам предостережение. Вы знаете, что очень дороги ей, как и ваш муж, ее любимый сын Джордж. Она велела мне передать вам, что ваш отец сейчас связался с врагом Англии,

Людовиком Французским. – Она не обратила внимания на наши вытянувшиеся от удивления лица. – Но что еще хуже, он вступает в союз с Маргаритой Анжуйской. Он планирует пойти войной на истинного короля, Эдуарда, чтобы восстановить на троне короля Генри.

Я тут же качаю головой, отвергая саму эту мысль.

– Он никогда не сделал бы этого, – возражаю я. Я выросла на историях о победе отца над злой королевой, Маргаритой Анжуйской, и спящим королем, Генрихом VI. Ненависть и презрение отца к этим людям накрепко засели в моей детской памяти. Он вступал в битву за битвой, чтобы лишить их трона и заменить их на нем представителями дома Йорков. Он никогда-никогда не пойдет на заключение союза с ними. Его собственный отец погиб, сражаясь с ними, и Маргарита Анжуйская приказала насадить на копья головы моего деда и дяди и выставить их на стенах Йорка, словно они были предателями. Мы никогда ее не простим. Во всяком случае, даже если мы сумеем простить ей все остальные ее злодеяния, этого мы ей простить не сможем никогда. После такого отец никогда не пойдет на союз с ней. Она была моим детским ночным кошмаром, нашим смертельным врагом.

– Он никогда не пойдет на заключение союза с ней, – говорю я гостье.

– Напротив, пойдет. – Она поворачивается к Изабелле: – Я прибыла сюда из соображений дружбы, чтобы предупредить вашего мужа, Джорджа, герцога Кларенса. И уверить его в том, что он может вернуться в Англию. Король, его брат, примет его. Их мать позаботилась об этом и хочет приветствовать там вас тоже. Вы оба – возлюбленные дети дома Йорков, отныне и навсегда. Джордж – следующий наследник престола Англии. Если у короля и королевы не родится сына, однажды вы можете стать королевой. Но подумайте: если ваш отец вернет престол прежнему королю, то у вас не будет ничего, и окажется, что вы претерпели все эти страдания напрасно.

– Мы не можем присоединиться к Ланкастеру, – говорю я уже, кажется, самой себе. – Отец не может об этом думать.

– Нет, – быстро соглашается она. – Вы не можете этого сделать. Сама идея уже нелепа. Мы все это понимаем, все, кроме вашего отца. Именно поэтому я прибыла сюда, чтобы вас об этом предупредить. Я пришла к вам, а не к нему, и

вы должны посоветоваться с вашим мужем, чтобы понять, к чьей стороне стоит примкнуть и что будет в ваших интересах. Графиня Сесиль, ваша свекровь, хочет, чтобы вы знали, что вы можете возвращаться домой и что она готова заменить вам мать, несмотря на то что ваш отец – враг дома Йорков и всей Англии. Она призывает вас вернуться домой, чтобы она могла проследить за тем, что вы получаете должный уход. Она была шокирована и опечалена, мы все были опечалены известиями о ваших страданиях на море. Мы были потрясены тем, какой опасности подверг вас ваш отец. Герцогиня горевала за вас и оплакивала утрату своего внука. Он стал бы ее первым внуком. Она удалилась в свои покои и молилась всю ночь об упокоении его невинной души. Вы должны вернуться домой и позволить нам позаботиться о вас.

При мысли о том, как герцогиня Сесиль молилась о душе ее сына, Изабелла почувствовала, как ее глаза наполняются слезами.

– Я хочу вернуться домой, – шепчет она.

– Мы не можем этого сделать, – тут же вмешалась я. – Мы должны оставаться с отцом.

– Пожалуйста, передайте ее светлости, что я ей признательна, – с трудом произнесли Изабелла. – Я благодарна ей за ее молитвы. Но, разумеется, я не знаю, что... мне придется сделать то, что скажет мой от... я поступлю так, как велит мне мой муж.

– Мы боимся, что вы в отчаянии, – мягко говорит женщина. – И горюете в одиночестве.

Изабелла быстро смаргивает слезы, которые часто появляются на ее глазах в последнее время.

– Разумеется, я скорблю о своей утрате, – отвечает она с достоинством. – Но со мной рядом моя сестра, и она меня утешает.

Леди Сатклифф склоняется перед ней.

– Я должна повидать вашего мужа и предупредить его о том, что задумал ваш отец. Герцог должен спасти себя от королевы Маргариты Ланкастерской. Не говорите отцу о моем визите. Он лишь разозлится, что вы меня приняли и из-за моего визита узнали о его вероломстве.

Я собралась было возразить, что мой отец невероломен. И что не может быть вероломным, и что мы не станем хранить от него секретов. Но потом вспомнила, что не знаю, где он сейчас находится в своем новом французском костюме и чем он сейчас занят.

Анже, Франция

Июль, 1470 год

Отец велит присоединиться к нему в Анже и шлет за нами симпатичного стражника в униформе, который будет сопровождать нас всю поездку. Он не дает никаких объяснений тому, зачем нам надо туда ехать, и где мы остановимся, и как долго будем в пути, поэтому, когда по прошествии пяти долгих дней, проведенных на пыльных дорогах, мы прибываем на место, крайне удивляемся, увидев его встречающим нас на подъезде к городу. Он горд и хорош собой, уверенно сидит верхом на Вороне, рядом с ним конный охранник. Они сопровождают нас через ворота в городской стене, по улицам городка, где люди срывают шляпы с голов, когда мы проезжаем мимо, прямо во двор огромного особняка, выходящего на широкую центральную площадь. Изабелла бледна от усталости, но отец не разрешает ей идти в спальню, чтобы отдохнуть, а велит сразу отправляться к ужину.

Обед накрыт в огромной зале, где нас уже ждет мать возле квадратного стола, ломящегося от угощений. Все выглядит так, словно мы попали на банкет. Мать приветствует нас поцелуем и благословениями, затем выжидающе смотрит на отца. Он усаживает Изабеллу по одну сторону стола, где к ней присоединяется подошедший и пробормотавший невнятное приветствие Джордж. Мы склоняем головы в ожидании благословения, и отец, улыбнувшись нам, приглашает начать трапезу. Он так и не благодарит Изабеллу за проделанный долгий путь и не хвалит ее смелость перед ее мужем.

Меня же он хвалит лишь за мой внешний вид, заметив, что во Франции я особенно расцвела, и удивившись, как пережитое нами обеими лишает мою сестру сил, а меня же делает еще красивее. Он отрезает для меня кусочки мяса, и слуга ставит их перед моей тарелкой, подавая еду мне раньше, чем Изабелле, раньше, чем моей матери. Я смотрю на угощения, стоящие передо мной, и не смею к ним прикоснуться. Что значит тот факт, что лучший кусок был подан мне раньше, чем всем остальным? Внезапно после всей жизни, проведенной второй, после Изабеллы и матери, что отражалось на всех мелочах, включая даже порядок прохождения в комнату, я встаю на первое место.

- Милорд отец?

Он улыбается мне с таким теплом, что я невольно возвращаю ему улыбку.

- Ах ты, моя смышленная девочка, - с нежностью говорит он. - Ты всегда была самой умной и сообразительной. И сейчас ты гадаешь, что я для тебя задумал.

Я не смею поднять глаз на Изабеллу, которая слышала, как он назвал меня самой умной девочкой. Не смею посмотреть на Джорджа. И тем более взглянуть на мать. Я знаю, что Джордж втайне встречался с леди Сатклифф, и догадываюсь, что он боится, что об этом прознал отец. Эта внезапная милость ко мне может оказаться предупреждением для Джорджа, что так легко ему провести нас не удастся. Я замечаю, как у Изабеллы задрожали руки и она спрятала их под столом, подальше от внимательных глаз.

- Я устроил для тебя брачную партию, - тихо говорит отец.

- Что?

Этого я ожидала меньше всего на свете. Я так удивлена, что поворачиваюсь к матери. Она смотрит на меня с абсолютным спокойствием, она явно об этом знала заранее.

- И партию великолепную, - продолжает он. В ровных интонациях его речи я даже могу различить нотки восторга. - Лучшую из тех, что можно было для тебя заключить, и единственную в данный момент. Могу ли я предположить, что ты догадываешься, о ком идет речь?

Глядя на наши с сестрой вытянувшиеся лица и в ответ на мое потрясенное молчание, он заливается веселым смехом.

- Догадайтесь! - предлагает он.

Я смотрю на Изабеллу и на мгновение представляю, что мы возвращаемся домой, примиряемся с домом Йорков и я выхожу замуж за Ричарда. Потом я вижу насупленное лицо Джорджа и понимаю, что это невозможно.

- Я не могу догадаться, отец, - произношу я.

- Дочь моя, ты выйдешь замуж за принца Эдуарда Ланкастерского и станешь следующей королевой Англии.

Слышится звон ножа, который Джордж уронил на пол. Он с Изабеллой застывают на месте, словно зачарованные, не сводя с отца глаз. И тогда я понимаю, что все это время Джордж отчаянно надеялся на то, что слова леди Сатклифф были не более чем досужим вымыслом. Однако, как оказывается, она рассказала ему не всю правду, которая на поверку оказывается гораздо хуже, чем мог предположить любой из нас.

- Сын злой королевы? - вырывается у меня. Внезапно все детские истории и страхи возвращаются ко мне. Я с детства считала Маргариту Анжуйскую страшной злодейкой, волчицей, возглавлявшей шайку безжалостных мужчин, уничтожавших все и вся на своем пути, в своем неумном стремлении к власти везде тянувшей за собой вечно пребывающего в бессознательном состоянии короля, пока она терзала Англию, убивала моего деда и дядюшку, пыталась убить моего отца на кухне с помощью вертела от жаровни, при дворе - мечом, и наконец потерпевшая поражение от его руки. Ее победили отец и Эдуард, наш Эдуард, сражавшийся в снегу, на холме, в самой ужасной битве за всю историю Англии. Затем, подобная смертоносной кровавой буре, она исчезла на холодном севере. Отец и Эдуард схватили ее мужа и оставили его спать в Тауэре, где он не мог причинить никому вреда, но она и ледяной мальчик, ее сын, непонятным образом зачатый матерью-волчицей и вечно спящим королем-отцом, больше никогда и никому не попадались на глаза.

- Принц Эдуард Ланкастерский, сын королевы Маргариты Анжуйской. Сейчас они живут во Франции под покровительством ее отца, Рене Анжуйского, титулярного

короля Венгрии, Майорки, Сардинии и Королевства Иерусалимского. Она – кровная родственница королю Франции Людовику. – Отец сознательно не обратил внимания на мое детское восклицание. – Он поможет нам организовать вторжение в Англию. Мы низложим дом Йорков, освободим короля Генриха из Тауэра, и ты станешь коронованной принцессой Уэльской. Мы с королем Генрихом будем править Англией вместе до самой его смерти, да хранят его святые. А затем я буду наставлять и помогать тебе и принцу Эдуарду Ланкастерскому, будущим королю и королеве Англии. Твой сын, мой внук, станет следующим королем Англии, возможно, Иерусалима тоже. Подумай об этом.

При этих словах Джордж подавился своим вином так, словно чуть не утонул в своем бокале. Сначала он закашлялся, а потом стал задыхаться. Отец ждет, пока шум прекратится, наблюдая за его мучениями без тени сочувствия.

– Для тебя, Джордж, это – задержка в достижении желаемого, – легко признает он. – Но ты будешь наследником престола после принца Эдуарда и станешь деверем королю Англии. Ты останешься так же близок к торну, как был всегда, и семья Риверсов будет низложена. Твое влияние на историю будет сильным, а награда за усилия велика, – тепло кивает ему отец. На Изабеллу, которая собиралась стать королевой Англии, а теперь оказывается ниже меня, он даже не смотрит. – Джордж, я прослежу за тем, чтобы ты сохранил свой титул и все свои земли. Ты ничего не теряешь.

– Я теряю, – тихо вмешивается в разговор Изабелла. – Я потеряла своего ребенка и не получила ничего взамен.

Ей никто не отвечает. Она стала настолько незначительна, что никто не обязан ей отвечать.

– А что, если король все еще спит? – спрашиваю я. – Что, если он так и будет спать, когда ты вернешься в Лондон? Что, если ты не сможешь его разбудить?

В ответ отец лишь пожимает плечами:

– Это не имеет значения. Спит он или бодрствует, я буду править от его имени до тех пор, пока принц Эдуард и... – тут он улыбается мне, – принцесса Анна не займут трон и не станут королем Эдуардом и королевой Анной Английскими.

– Восстановление дома Ланкастеров! – Джордж не выдерживает и вскакивает на ноги. На его губах все еще остался след от вина из мальвазии, а лицо искажено яростью. Изабелла робко протягивает руку и касается его сжатого и дрожащего кулака. – Неужели мы прошли через все это для того, чтобы восстановить в правах дом Ланкастеров? Мы претерпели столько невзгод и опасностей на море и на суше ради того, чтобы вернуть Ланкастеров на престол? Я предал своего брата и бежал из собственного дома в Йорке, чтобы вернуть на трон Ланкастеров?!

– Дом Ланкастеров – неплохая ставка в этой игре, – заявляет отец, одной этой фразой отбрасывая в сторону союз с Йорками, который его семья пестовала и лелеяла вот уже два поколения. – А права твоего брата на престол на самом деле весьма призрачны, потому что он, как ты и утверждаешь, на самом деле королевский бастард.

– Я назвал его бастардом, чтобы занять его место на престоле! – кричит Джордж. – Мы сражались за то, чтобы на троне оказался я. Мы дискредитировали Эдуарда, чтобы сделать мои позиции сильнее. Мы никогда не чернили моего дома, мы никогда не порочили Йорк! И никогда не говорили о том, что королем может стать кто-то другой, кроме меня!

– Это оказалось невозможным, – произнес отец с легким сожалением, словно речь шла о давно проигранной битве в какой-то далекой стране, а не о событиях, произошедших этой весной в Англии. – Мы попытались сделать это дважды, Джордж. Ты же знаешь. Эдуард оказался для нас слишком сильным, и на его стороне было слишком много союзников. Но, заключив союз с Маргаритой Анжуйской, мы сможем рассчитывать на половину Англии, которую она поведет за собой. И весь дом Ланкастеров, который так и не присоединился к твоему брату, встанет на нашу сторону. Она всегда имела сильное влияние на севере и в серединных землях. Джаспер Тюдор поднимет за нее Уэльс. Эдуард никогда не сможет справиться с союзом, объединившим тебя, меня и Маргариту Анжуйскую.

Мне крайне непривычно слышать, что имя, которым раньше только проклинали, принадлежит нашему союзнику.

– В детстве мне снились кошмары об этой женщине, а теперь она стала нашим доверенным другом.

– А теперь тебе, Анна, пора идти с матерью к портнихе. Изабелла, ты тоже можешь идти вместе с ними. Вам всем сошьют новые платья для церемонии обручения Анны.

– Моего обручения?

Он улыбается так, словно даровал мне великую радость.

– Да, сейчас будет обручение, а венчание – сразу же, как мы получим благословение папы.

– Я прямо сейчас буду обручена?

– Да, послезавтра.

Собор Святого Маврикия, Анже

25 июля 1470 года

На главном алтаре церкви, сомкнув руки, стоят две молчаливые фигуры, только что принесшие клятву верности. Свет, струящийся из огромного окна позади них, освещает мертвенно-бледные лица. Они наклоняются друг к другу, словно обещают любить друг друга до гробовой доски. Они обнимают друг друга, словно стараясь убедиться в истинности своих обещаний. Постороннему глазу это таинство, сопровождаемое пристальными взглядами и объятиями, может показаться исполненным любовью.

Но на самом деле это бок о бок стоят два непримиримых врага: Маргарита Анжуйская и мой отец. Здесь между нашими родителями только что был заключен великий союз, который ее сын и я просто исполним своими телами. Сначала она возлагает свою руку на фрагмент святого креста, привезенного сюда из Иерусалимского королевства, и даже из дальнего угла собора я слышу ее голос, приносящий клятву верности моему отцу. Потом наступает его черед. Он кладет руку на крест, и она поправляет ее таким образом, чтобы вся его рука вместе с пальцами лежала на священном кусочке дерева, словно даже сейчас, во время свершения таинства принесения клятвы, она ему не доверяла. Он

произносит свои слова, затем они поворачиваются друг к другу, чтобы обменяться поцелуем примирения. Они теперь союзники, они будут союзниками до самой смерти, они принесли священную клятву, и ничто теперь не может их разлучить.

– Я не могу! – шепчу я Изабелле. – Я не могу выйти за ее сына, не могу стать дочерью злой королевы и спящего короля. Что, если их сын действительно сумасшедший, как все говорят? Что, если он меня убьет? Прикажет обезглавить, как двоих йоркских лордов, охранявших его отца? Говорят, он настоящее чудовище, у которого еще с самого детства руки по локоть в крови. Говорят, он убивает людей просто ради развлечения. А что, если они отрубят мне голову, как дедушке?

– Тише, – говорит она, беря мои холодные руки в свои и мягко их гладя. – Ты говоришь, как ребенок. Ты должна быть смелой. Ты станешь принцессой.

– Я не могу стать частью дома Ланкастеров!

– Можешь, – возражает она. – Ты должна.

– Ты как-то сказала, что боишься, что отец использует тебя как пешку.

– Правда? – пожимает она плечами.

– Что использует тебя как пешку и пожертвует тобой, когда будет необходимо.

– Если ты станешь королевой Англии, он не станет тобой жертвовать, – заметила она. – Если ты станешь королевой Англии, он будет любить тебя и служить тебе со всем усердием. Ты всегда была его любимицей, так что тебе стоит радоваться, что ты стала сосредоточием его амбициозных устремлений.

– Иззи, – тихо говорю я, – когда ты была сосредоточием его устремлений, он чуть не утопил тебя в море.

В сумраке собора ее лицо кажется зеленоватым.

– Я знаю, – говорит она безо всяких эмоций. Пока я думаю, что на это сказать, к нам быстро подходит мать и сухо говорит:

– Я должна представить тебя ее величеству королеве.

Я следую за ней по длинному проходу между рядами собора, и свет, преломляющийся через огромный витраж, превращает пол под моими ногами в роскошный пестрый ковер. Мне приходит в голову, что вот уже второй раз мать ведет меня представлять королеве Англии. В первый раз я увидела самую красивую из известных мне женщин. Во второй – самую свирепую и зловещую. Королева замечает наше приближение, поворачивается к нам и ждет с убийственным терпением, пока я дойду до ступеней, ведущих в часовню. Мать опускается перед ней в глубоком реверансе, и я следую ее примеру. Когда я понимаю, перед моими глазами предстает невысокая плотная женщина, одетая в роскошное платье из золотой парчи, ее высокий головной убор был украшен золотыми кружевами, а с ее широких бедер свисал золотой пояс. Ее круглое лицо было жестким, а розовый пухлый рот – неулыбчивым.

– Ты – леди Анна, – говорит она по-французски.

– Ваше величество. – Я склоняюсь перед ней.

– Ты выйдешь замуж за моего сына и станешь моей дочерью.

Я снова кланяюсь. Очевидно, она не беспокоится о моем счастье. Когда я снова поднимаю на нее глаза, ее лицо буквально лучится триумфом.

– Леди Анна, сейчас ты всего лишь простая юная леди, никто, и только я сделаю тебя королевой Англии. Ты сядешь на мой трон и наденешь мою корону.

– Леди Анну готовили к этой великой чести, – говорит моя мать, но королева не обращает на нее ни малейшего внимания.

Она делает шаг вперед и сжимает мои руки в своих, как будто принимает у меня клятву верности.

– Я научу тебя, как стать королевой, – тихо говорит она. – Научу тебя всему, что знаю о смелости и способности управлять. Мой сын будет королем, но ты будешь стоять рядом с ним и будешь готова защищать престол ценой своей жизни. Ты станешь такой королевой, какой была я: способной править, заключать союзы и хранить им верность. Когда я прибыла в Англию, я была еще совсем девочкой, ненамного старше тебя, и быстро поняла: чтобы удержать трон Англии, жена должна прилепиться к мужу и денно и нощно бороться за его престол. Денно и нощно, Анна. Я перекую вас в меч для Англии, так же, как меня когда-то перековали в его лезвие. Я научу тебя быть лезвием, перерезающим глотки предателям.

Я думаю о тех ужасах, в которые эта королева погрузила страну своими фаворитами и амбициозными устремлениями. Я вспоминаю, как отец клялся, что спящий король намеренно вверх себя в сон, потому что не мог вынести бодрствования с этой женщиной. Моя память возвращается в те годы, когда мой отец правил Англией, а эта женщина неистовствовала в Шотландии, собрав армию, которая пришла на юг как шайка разбойников: полуодетыми ворами, насильниками и убийцами, разорявшими все на своем пути. Это происходило до тех пор, пока страна не возроптала против этой королевы, а жители Лондона не закрыли ворота своего города перед ней и не стали молить ее лучшую подругу Жакетту Вудвилл увести северную армию в их родные земли.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Король Англии Генрих VI. – Примеч. перевод.

2

Игра слов: фамилия Риверс в переводе означает «реки» (от англ. rivers).

3

Имеются в виду дочери от первого брака Елизаветы.

4

Вот так (фр.).

5

Будущий констебль Тауэра, который, по версии Томаса Мора, в 1514–1518 годах отказался от поручения короля Ричарда III убить заключенных там принцев Эдуарда V и его брата Ричарда.

6

Сложный женский головной убор на каркасе из китового уса, металла, крахмаленного полотна. – Здесь и далее примечания редактора.

Фигура из ирландских легенд. Если человек слышит пронзительный крик баньши, значит, он обречен на верную смерть и час его кончины близок.

Купить: <https://tellnovel.me/ru/filippa-gregori/doch-kardinala>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)